

Владимир Лисицын

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕССИРА

Книга 1-я

Владимир Лисицын

Возвращение мессира. Книга 1-я

«Издательские решения»

Лисицын В. Г.

Возвращение мессира. Книга 1-я / В. Г. Лисицын —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850396-2

Тот, который искушал в пустыне, на заре Новейших времён, посетил теперь наше сегодняшнее Время. Что он выдумал на этот раз, как объясняет происходящее с нами, и что пророчит в будущем — вы узнаете из данного романа.

ISBN 978-5-44-850396-2

© Лисицын В. Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Порт пяти морей	8
1. Невиртуальное крушение двух самолетов	8
2. Сны Виталия	15
3. Файл «ДИТЯ»	18
4. Фонтан	26
5. Москва – Беслан	30
6. История файла «ДИТЯ»	37
Часть вторая. Шлюзы	53
7. Транзитный причал	53
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Возвращение мессира

Книга 1-я

Владимир Георгиевич Лисицын

Памяти Михаила Афанасьевича Булгакова посвящается.

Иллюстратор – автор Владимир Георгиевич Лисицын

© Владимир Георгиевич Лисицын, 2017

ISBN 978-5-4485-0396-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлёк с неба третью часть звёзд и поверг их на землю. Дракон сей, стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать её младенца. И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя её Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для неё место от Бога, чтобы питали её там тысячу двести шестьдесят дней. И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его; потому что низвержен клеветник братий наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь. Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе, живущим на земле и на море! потому что к вам сошёл диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остаётся времени. Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужского пола. И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в своё место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времён и полвремени. И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь её рекою. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей. И расвирипел дракон на жену, и пошёл, чтобы вступить в брань с прочими от семени её, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа.

И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его были десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал дракон ему силу свою и престол свой и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена; но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира. Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведёт в плен, тот сам пойдёт в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убитым мечом. Здесь терпение и вера святых. И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя, и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу

зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть».

Из «Откровения Иоанна Богослова».

Часть первая. Порт пяти морей

1. Невиртуальное крушение двух самолетов Почти в одно и то же время 24.08.2004

А начиналось всё – так:

Уже близился к концу последний месяц лета, а августовское небо, так же, как и июньское, и июльское, было закрыто мрачными тучами. Тучи были странными, необычными в этот год. Они практически не покидали неба, а только менялись: то дымчато-серые с просветлениями, то свинцово-чёрные с лиловым отливом; то спускались на землю – спокойным мирным дождём, а то бьющим ливнем с градом и грозой. Их движение не подчинялось направлению ветра, оно было абстрактным. И понять – как поведёт себя небо в следующую минуту – было невозможно. Узнать это по радио – так же было невозможно – синоптики были невняты и явно растеряны. По этим небесным причинам, Виталий был выбит из своей колеи. Ему необходимо было сидеть за компьютером, а он был вынужден, то включать его, то снова выключать, опасаясь грозы. Он боялся. Он памятовал о Евангельских словах и – не искушал Господа. Но среди всего этого непостоянства и нервоотрёпки перемешанной страхами, было только два постоянства – мутный сгусток грязно-жёлтых облаков прямо над окном его комнаты и духота. Небо душило землю и днём, и вечером, и ночью, и снова – с утра. Духота! В этой духоте и жуткой влажности, у него перестало светить всё, что могло светить: большая лампа под стеклянным абажуром под потолком, большая чёрная настольная лампа с регулируемым накалом, совсем маленькая и примитивная настольная лампа, и такой же маленький чёрно-белый красного цвета телевизор. Теперь, телевизор он только слушал иногда – новости по РБК, «Синий троллейбус» по ТВЦ, Парфёнова с его историческим циклом по НТВ. И вот, за день до этой самой катастрофы, с двумя самолётами, телевизор совсем перестал работать – замолчал. Правда, замолчал он, по самой простой и вполне видимой житейской причине. Дело в том, что этот телевизор реанимировали уже не один раз и сказали, что нажимать вот эту кнопку нельзя ни в коем случае, но в понедельник, к Виталию, на часок заскочил, приехавший из Подмоскovieв девятилетний внук, с мамой, который и нажал эту самую кнопку. Нажал и уехал к бабушке. А Виталий остался вечером при светящемся компьютере, и восковой свече, стоявшей в плоской железной крышке для закупорки банок, так как, невероятно! – единственный железный подсвечник упал на пол, и разломился пополам. Всё это я к тому, что в среду вечером Виталий просто послушал бы новости, а не стал бы заглядывать в комнату матери. И не увидел бы по её большому черно-белому телевизору – ту картинку в новостях, где на карте, поднявшись от значка города Москвы – ЛЕТЯТ ДВА САМОЛЁТА В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ, ВЫЛЕТЕВШИЕ ИЗ ОДНОГО АЭРОПОРТА. У Виталия учащённо забилося сердце. В голову его вонзились тысячи иголок, а на лбу его выступили капельки холодного пота. Он сел в кресло и стал слушать. А в телевизоре – никто ничего не понимал. – Как произошла катастрофа, и как могли два самолёта разлететься на куски почти в одно и то же время. Один упал в Ростовской области на Крутые горки, другой в Тульской, недалеко от Куликова поля. В первом – ТУ-154 было 46 человек, во втором – ТУ-134 было 43 человека. Виталий занервничал, встал, пошёл к себе в комнату, закурил, вышел на тёмную кухню к растворенному, засетчатому окну своего первого этажа, взгляделся в черноту неба... Вспышек молний нигде не было видно. – Подал Господи, – подумал Виталий. В это время раздался дикий рёв, заполнивший весь этот мрак за окном!

– Значит, ветер повернул с востока, туда взлетают.

Рёв нарастал, усиливался и ширился. Виталий вспомнил этот рёв, проявившийся в записи на компьютер песни Окуджавы, в своём исполнении, когда он запел: «... наша судьба – то гульба, то пальба...», вдруг появился этот приглушённый рёв, который вот так же усиливался и затухал, только к концу песни. Во время пения он его не слышал, но микрофон услышал и записал. И теперь, вместе с чудной мелодией, кажется сотканной из воздуха, запечатлён этот рёв самолётных турбин. Взлётная полоса гражданского аэродрома была недалеко и все эти ТУ, ИЛы, и ЯКи при восточном ветре шли на посадку мимо его кухонного окна, а при западном – взлетали. Люди, жившие здесь, уже привыкли к этому дикому рёву цивилизации, и не обращали никакого внимания на эти самолёты, да, попросту, не замечали их. Виталий замечал их всегда.

Он вспомнил, как в семьдесят пятом году – он, со своей бывшей женой, мотнулся в Ленинград на белые ночи. Пробыли там пять дней, попали на концерт Карцева и Ильченко, и иже с ними Жванецкого с Одесским театром миниатюр, нахохотались там до боли мышц живота, и надо было уже «бежать» домой. Но железнодорожный вокзал кишел людьми, а билетов в кассах не было. Жена предложила ехать в аэропорт, но самолётами он не летал и наотрез отказался. Но «наотрез» не получилось – выхода не было. Они ночевали в очереди у касс аэропорта двое суток. В Ленинграде стояла сочинская жара. Виталий выходил покурить на высокую площадку аэровокзала, откуда видны были стоявшие на приколе самолёты и один из них, тот, что был ближе всех – ТУ-124, наводил на него такой страх своим плачевным видом, что Виталию становилось не по себе. И вот, на утро третьих суток радостная Галина вынырнула из кассовой толпы с билетами в руках. Правда, билеты были только до Харькова, а не до Ростова. Их повели на посадку и... О, ужас!, к тому самому полудохлому самолёту, который стоял всё на том же месте, с теми же безнадёжно повисшими крыльями. И места им достались у левого крыла, и потом он с ужасом смотрел на это крыло в полёте – оно дрожало, как в лихорадке, и, казалось, вот-вот отвалится! Приземлившись в Харькове, ни о каких самолётах не могло быть и речи, конечно. Они поехали на вокзал, свободно взяли билеты на ленинградский! поезд и ехали в полупустом вагоне, «гуляй-не хочу», до самого Ростова, блаженствуя.

Но не это волновало его сейчас, не это заставляло учащённо биться сердце – этим «далёко» он отдалял от себя главное! Руки вдруг перестали ему подчиняться, сигарета выпала, обожгла пальцы, он выматерился, раздавил «Приму» в пепельнице /он всегда курил «Приму» без фильтра, когда волновался, а волновался он всегда; сигарету с фильтром он курил, кайфуя после очередной чашки горячего чая/. Он ушёл в свою тёмную комнату, суелливыми руками нащупал спички в кармашке сумки /он клал спички в сумку, чтобы не искать их по столу, дабы не перевернуть чего-либо в темноте/. Но он всё же что-то зацепил, оно упало, звякнуло; он зажёл свечу и сел на табурет, перед тёмным экраном монитора. Виталий смотрел в его чёрный квадрат и ощущал всем телом биение своего сердца. Вспомнил, что со стола что-то упало на пол. Догадался – пузырёк, которым он гасит пламя свечи. Кинулся искать по полу пузырёк. Нашёл, поставил рядом со свечёй. Вновь посмотрел в чёрный квадрат. Непослушной рукой нащупал выключатель, включил питание – загорелась красная лампочка. Потянулся рукой ещё дальше, и никак не мог нащупать кнопку «бесперебойника питания»... Зло выругался. Нашупал кнопку – включил, зажглась зелёная лампочка. Сел обратно на табурет. Почувствовал липкость пота на себе. Дотронулся ладонью до груди – мокрая. Потянулся к ручке двери, выдернул полотенце, обтёр грудь и шею. Вернул полотенце на место. Вгляделся в кнопку блока. Мысленно проговорил: «Во имя Отца и Сына и Святого духа, аминь». Включил компьютер. Тот зарычал, потом загудел, как бы разгоняясь,... Виталий всегда нервничал во время этого процесса – /в февральскую эпидемию в компьютер залетел вирус, и пожрал все его отсканированные картины. Тогда впервые компьютер вот так зарычал, полетел винчестер, который не мог спасти даже кудесник Вася, присоветованный ему Бардиным/. Но вот на чёрном экране

высветились, замерцали и замелькали цифры, буквы, двоеточия, и косые чёрточки, мигнули лампочки на клавиатуре.

Прозвучало приветствие, и открылся «рабочий стол». Виталий смотрел на него как на новые ворота, сжимая правой рукой мышку так, как будто она могла убежать, и не понимал: куда ему дальше щёлкать. Стрелка мышки забегала по значкам. Он выбрал «мой компьютер».

Бессмысленно посмотрел на открывшееся окно... Закрыл его. Стрелка задрожала на папке «мои документы» и, наконец – выбрала её. Он резко щёлкнул папку «проза» и потерялся среди представших перед ним синих файлов Word. Их было не больше четырёх, пяти,.. но он почему-то растерялся. Рука, лежавшая на мышке, ослабла и мелко задрожала. Она, как бы незаметно для Виталия и ещё для кого-то невидимого, выбрала файл «ДИТЯ». Открылся текст:

@ @ @

«То удаляющаяся, то приближающаяся, а то просто возникающая здесь же у него перед окном, гроза; страшные вспышки и удары молний или вдруг ни с того ни с сего, среди тишины, одиночный хохоток грома, достали Голицына до предела. Вот и сейчас – в комнате стало темно, как после захода солнца, а было три часа по полудни. Голицын повывключал всё, что питалось электричеством, а потом, вырубил и сам счётчик на стене. И теперь сидел, съёжившись на краешке своего дивана, и напряжённо ждал удара молнии и раската грома. В дверь постучали. Он вздрогнул. Матери не было дома, а он, давно обрезав звонок, на стук и не отзывался, он никого не ждал, и потому не считал нужным отзываться. С чёрного неба, мимо окна, с шипом юркнула молния, треснула, ударила громом, раскатившимся по всему небу и земле. Стёкла в окне басово задрожали,.. Голицын встал, подошёл к двери, машинально достал ключ из кармана висевшей на вешалке куртки, отомкнул двери и даже не спросивши «кто там?», открыл её. На лестничной площадке и в коридоре было так темно, что он, кроме чёрного силуэта в проёме двери, ничего больше не мог разглядеть.

– Лёха, это ты, что ли?

– Я.

Лестничная площадка наполнилась эхом шумящего ливня.

Вот это ливанул! Ты, небось, промок весь?

Нет, дождь начался, едва я вошёл в подъезд.

Ну, входи, входи в комнату, – а сам подумал, – что это Лёха такими оборотами заговорил: «едва я вошёл»? – Сейчас я тебе дам чувяки. Ты откуда, из дома?

Из дома.

Перекладными, что ли?

Перекладными.

А что с твоим голосом, простыл по нынешним летним погодам?

А что, не звучит?

Наоборот – звучит, но как-то – дюже. Надевай чувяки и проходи на кухню, я сейчас чай поставлю.

Лёха прошёл на кухню, не надев чувяки, но и не сняв туфли.

Ты чего, Лёха?! Куда пошёл в туфлях?!

Они у меня чистые. А почему окна закрыты – духота такая.

Не открывай окно! Там гроза – я не люблю!

Боишься.

У Голицына стало неприятно на душе, – Что это он со мной на «ты»? Обычно он на «вы».

А тот, как ни в чём не бывало, открыл засетчатую половину окна, за которым тут же сверкнула молния и ударил гром.

Хорошая погода. Чего вы, Пётр Григорич, боитесь?

У Голицына отлегло от сердца.

В такую погоду, как у вас говорят, хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.

Голицыну снова стало не по себе.

– Вот и замечательно, – продолжил Лёха, – Пусть сидят по дамам и думают. Нечего им разъезжать да расхаживать.

То есть?

Ну, по морям, по волнам; по курортам, по пляжам валяться. Пусть сидят.

И тут – он расхохотался не своим смехом, от которого Голицыну стало жутко. Казалось, что Лёха смеётся не на его тесной кухоньке, а в огромном, высоченном храме, где звонкое эхо возвращается из-под куполов. Эхо стихло, и тут же за окном взревел ТУ, рвущийся в небо. Голицын удивился, что в такой ливень да в грозу такую!...

– Летают?! – весело спросил Лёха и, выдвинув стул, занял место у окна.

– Летают. Я сыплю заварку прямо в чашку, ты не возражаешь?

Так само собой. Я знаю.

Голицын насыпал в чашки заварки из крупнолистового чая и залил кипятком.

Вот, бери сахар, вот – печенье...

А вот травка, – Лёха ловко достал откуда-то бумажный пакетик – Две веточки сверху кладём

Что это, чабрец?

Чабрец.

Я на Троицу брал, на полу расстилал,.. но потом выбросил,.. кто его знает – где его собирали.

Не доверяете?

Тебе?

Согражданам.

Чо-то ты городишь...

Горожу город на ваш огород.

И вновь раздался чужой оглушительный смех.

Я, кажется, порядком не долил кипятка...

Работаете на недоливе?!

Темно. Надо зажечь свет.

Не надо! Кто ж это – среди бела дня жжёт электролампочки?!

Ну-у.., я включу хотя бы счётчик, а то я его вырубил.

Зачем?!

Грозы боюсь, потому что!

Знаю! Зачем обратно врубать?!

Холодильник потечёт, он у нас и так на ладан дышит, мать придёт – ругаться будет!

Нина Григорьевна сегодня не придёт, она у дядьки Вовы ночевать будет.

Голицын изумился.

Она уже сто лет там не ночует!

Заночует. Да и гроза ещё не прошла.

Комната осветилась яркой вспышкой, и ударил, раскалывающий, казалось, землю гром!

У Голицына зашлось сердце, и по телу пробежала дрожь.

Сейчас же закрой окно!! Сам же видишь, что гроза не кончилась!

Гроза никогда не кончится.

Что ты мелешь??

Мелете, извиняюсь, вы, Пётр Григорич. Гроза может пройти,.. утихнуть. Но она бесконечна.

Обессилевший физически и сломленный морально, Голицын дрожащими руками уцепился в чашку и стал молча хлебать чай частыми, мелкими глотками. Повисла пауза, в которой наступила полная тишина – без шума дождя, без грома, без рёва самолётов. Только вспыхивали редкие зарницы уже безобидной молнии, освещая кухню и два мужских силуэта – один сгорбленный, припавший руками и губами к чашке, другой – прямо сидящий, держащий чашку с блюдцем у рта, с изящно расставленными в стороны локтями рук. И один глаз у него – сверкал. Это-то сверкание и бросилось в поднятые на миг глаза Голицына. И он, почему-то успокоившись, мирно продолжил беседу.

– Ну, и как же дома? Там – на Украине?

Тот ответил стихами, —

«Скажи мне, Украина, не в этой ли ржи
Тараса Шевченко папаха лежит?
Откуда ж, приятель, песня твоя —
«Гренада, Гренада, Гренада моя?»»

И добавил, – Да-а, весёлый был человек.

Кто?

Михаил Светлоф-ф, – ответил он с немецким акцентом. – Человек и пароход.

Так, как дома-то? Где живёшь? Тебя же родные твои братья и отец родной – выгнали из дома, после смерти матери.

Да. – Очень утвердительно ответил тот.

Но так, где же?

И в отсвете вспыхнувшей молнии Голицын увидел обаятельную, с дьяволинкой, улыбку собеседника и его посеребрённые виски чёрных волос. И, сверкнув глазом, заговорил тот бархатным баритоном:

Но если вас так интересует Лёха,.. то он живёт в гараже своего приятеля, и всё бьётся за организацию своего бизнеса. Чудило

Голицын тоже улыбнулся.

Тщательно же вы готовили свой приход.

У меня не приход, у меня появление. Или возвращение. Я возвращаюсь – как турист на свои излюбленные места. А ещё – я вселяюсь, как гофорят у фас.

Да-а: сначала одна лампа погасла, потом другая, за ней третья,.. телевизор... А зачем подсвечник-то ломать?

А чтобы ты не мечтал о женщине, сидящей в твоей комнате в свете свечи, горящей в этом дешёвом подсвечнике. Не время. Да и не место.

А вы, оказывается, седой.

С вами посидеешь.

Да, уж.

Голицын как-то успокоился и даже повеселел в душе.

Значит, после Михал Афанасьича, вы решили – ко мне, Мессир.

Признаюсь, мне понравилось – как вы его нарисовали. И причём – понравилось, что именно акварелью. Акварель на бумаге – живая, масло на холсте – музей. А ведь это я вас заставил выбрать фотографию мистера Булгакова – с самым неудобным ракурсом, для рисования.

Вы?? А я полагал, что...

Не надо сейчас врать ни мне, ни себе. Вы называли это – ни к чему не обязывающим и обобщённым словом – «небо». А я «его» представитель и есть. Но это я не в укор, это я

так – к слову. А доволен я тем, что вам хватило ума – не пытаться рисовать МЕНЯ или ЕГО – в вашем сюжете, на «Патриарших».

Ну, зачем же. Там ведь показано рождение сюжета, возникающего из фантазмагории жёлтой жары и невыносимой духоты.

Вот только не надо о «фантазмагориях». Не люблю!, как изволили давеча выражаться вы. А сюжет о НЁМ вам понравился?

Художник жаждет комплиментов?

Нет,.. ну...

– Название длинное. Как оно звучит? – наиграно фальшиво спросил Мессир.

Просто: «Иисус Христос».

Да, «33», а ещё и добавка: «Предчувствие». Зачем же пояснять. Пусть прочтут по изображённому вами лицу. А, кстати, «предчувствие» чего?

Ну, это же ясно.

Мне не ясно. Чего?

Распятия.

Вот. Врёте. Опять врёте. То, что вы сказали – лежит на поверхности. Это есть в за-тёртом до дыр Евангельском сюжете. Скажите честно – что вас подмывало?

– .Что подмывало?

А то самое. Вы возликовали, соединив в своём сознании – теософский сюжет из Евангелия, и произошедшее на Манхэттене в 2001 году – изобразив, на другой картине – свой чёрный самолёт!

Голицыну стало плохо и стыдно.

Мессир сверкнул глазом и, улыбнувшись, сказал:

Я скажу банально: вы готовы провалиться сквозь землю, не так ли?

Возникла и повисла в душном воздухе тяжёлая пауза. Потом Голицын потянулся к своей чашке, сделал из неё сухой, пустой глоток, и поставил её обратно в блюдце.

Может ещё чаю, – сказал он невнятно и неуверенно.

Спасибо. Я не любитель.

На кухне было всё также темно из-за перекрывших всё небо чёрных туч.

Не вставая, и не трогаясь с места, Голицын пробурчал:

Я закурю. Пойду в комнату, возьму сигарету.

Фу. Я знаю – какую гадость вы курите.

Я закурю с фильтром.

Такому качеству не поможет никакой фильтр. Но здесь и сейчас я не могу предложить вам ничего взамен. Но в другом месте и в другое время я вас угощу хорошей сигарой».

@ @ @

Виталий вздрогнул от внезапного появления матери, которая тронула его за плечо и сказала громко, как будто обращаясь к глухому:

Окно, говорю, на кухне закрывать?! А то уже поздно. Во дворе никого нет. А я спать ложусь.

Ложись! Кто тебе не даёт, – ответил он так же громко и нервно, – я сам закрою!

Она ушла к себе, он закурил «Приму», затянулся глубоко, вышел на кухню к раскрытому окну, дотянулся носом до самой сетки, выдохнул дым и вдохнул в себя свежей воздух.

Вгляделся в ночь. Было тихо, ничто не сверкало. Но тут же он услышал спокойный гул и увидел огни идущего на посадку самолёта. «Что же делать-то, Господи?! Чертовщина какая-то! Куда звонить? Кому звонить? ФСБ, КГБ, МЧС??? Примут за дурочка. Это ведь как с той звездой, с той звёздочкой в ночном небе: она светила, как все звёзды, а потом вдруг стала разгораться до ослепления глаз,.. я угнул голову, но тут же поднял глаза, хоть и был в тихом

ужасе, а она так уменьшилась, что стала крохотной среди остальных звёзд, и быстро улетела. Таких скоростей и прожекторов на Земле нет. Но кому я это расскажу? Кто мне поверит? Может, и правда – это ОН мне мигал, сверкая своим глазом. А ведь был и первый раз, когда я такое увидел – у Петровича, на даче. Сашка тому свидетель. Но он был ещё пацан, может, и забыл. Я показывал ему созвездия, мы стояли среди двора, задрав головы в ночное, усеянное звёздами небо. И, вдруг, вспышка! Вспышка мгновенно сделалась такой же крохотной звёздочкой и быстро полетела по небу. Это потом я осознал, что уж дюже быстро она полетела, у нас так не летают. А тогда, я сказал Сашке: «Гляди, нас сфотографировали».

Виталий перевёл дыхание, почувствовал, как жжёт ему пальцы сигарета, но всё же сделал несколько торопливых затяжек и только тогда загасил, распотрошил окурочек в пепельнице!

– Тем более надо что-то делать. С тем ужасом. С тем кошмаром.

Он вернулся в свою комнату, компьютер был в режиме ожидания – на экране монитора была заставка из чёрного неба и летящих в сторону Виталия крохотных звёздочек. Он тут же тронул мышку, заставка исчезла и открыла текст. Пламя свечи играло на нервах. Он накрыл его горлышком пузырька. Свеча погасла, распространяя специфический запах, сейчас он был противен. Виталий поворачивал пузырьком горлышком вверх, освобождая его от колечек дыма погасшей свечи. Сел на табурет. Белый лист с чёрными буквами светил с экрана, резал глаза

Надо что-то делать. В Интернет я уже сто лет не выхожу. Теперь у меня нет ни карты, ни, даже, адреса. Может попробовать по горячей линии? Но я не знаю номера телефона. Надо позвонить в справочную и узнать.

И в это самое время – вдруг, экран монитора совсем погас, запищал «бесперебойник», мигая зелёной лампочкой, хотя красная, показывая, что напряжение есть, горела. Виталий растерялся, он ничего не понял – что происходит? И тут, вдруг, заверещал телефон! Заверещал на весь дом не прерываясь! Виталий бросился к нему, схватил трубку, поднёс её к уху, там были короткие гудки! Виталий бил по рычажкам, но гудки не прекращались! Он с силой положил трубку на рычажки – заверещал звонок! К двери комнаты подбежала мать, в ночной рубашке, крича: «Ты что – с ума сошёл?!!» Виталию ничего не оставалось, как выдернуть из розетки телефонную вилку. Стало тихо.

Я не виноват. Оно ни с того – ни с сего.

С тобой чокнешься! Это ж надо – разбудил. Не усну теперь.

Иди, спи. Иди.

«Иди», – и она пошла к себе в комнату, продолжая ворчать и возмущаться.

А на экране монитора, сам собою, шёл процесс перезагрузки. Прозвучало приветствие, и открылся рабочий стол. Виталий снова смотрел на экран монитора, как на новые ворота. Но это уже был – глубокий шок.

2. Сны Виталия

В ту ночь Виталий больше не открывал файла «ДИТЯ». Он вообще выключил компьютер и обессиленный морально и физически, лёг спать.

Уснул он быстро, как провалился. А провалился он в сон. А во сне перед ним, как в старом фильме «Дом, в котором я живу», вставала, запомнившаяся с детства, охваченная пламенем надпись..., только горел в огне не «1941 год», а :

«3-е СЕНТЯБРЯ 1991 года».

А за ней, по пешеходной дорожке высоченного автодорожного моста, идущего от самого центра большого города через широкую реку, мимо движущихся по мосту автомобилей, удаляясь от города, идёт его герой по имени ПЁТР ГОЛИЦЫН. Его чуб треплет западный боковой ветер, лицо его, на котором видны едва наметившиеся борода и усы, дико напряжено. Отрепённые глаза его сосредоточены на чём-то не имеющем ничего общего с тем, что в данную секунду окружает его. Вот он уже перешёл на ту – загородную сторону реки... Вот он шагает по высокой насыпи автострады... Вот он дошёл до огромной «тачанки-

ростовчанки» – памятнику Гражданской войны, спустился с насыпи в поле и двинулся вдоль вырытого водного канала навстречу багровому закатному солнцу. Вот он остановился, по-волчьему озираясь,.. и спустился по крутому берегу канала

вниз к воде, чтобы его не могли видеть ещё копошащиеся в земле огородники. Снял с плеча свою сумку, а из другой, базарной холщовой сумки достал сапёрную лопатку, не останавливаясь, вырыл ямку, как для саженца, открыл замок своей сумки, достал стеклянную баночку с закручивающейся крышкой, достал две небольших фотографии с неясным изображением двух разных женщин, вложил эти фотографии в банку,.. достал листок бумаги с напечатанным текстом.

– Так, ЕМУ молиться надо на запад, – стал на колени, забормотал, глядя в лист, – «Пойду я, добрый молодец, посмотрю в чистое поле в западную сторону под сырую матерую землю лик рабынь Божиих...» /далее не разборчиво его бормотание/.

Он вложил прочитанную бумагу туда же в банку, закрутил её крышкой, закопал и стоя на коленях, припал головой к земле. А оттуда, хохотал ему в лицо ОН, сверкая глазами.

Виталий проснулся в поту. Потянулся рукой к табурету, на котором, как всегда – на ночь, были «заряжены» сигареты и пепельница с зажигалкой. Закурил, облокотившись на локоть левой руки. – Рано я лёг сегодня, сны замучат. Ну их на, – но не сказал – куда, что-то его остановило. Он ещё о чём-то сонно пытался размышлять, но веки его тяжелели,.. тяжелели..

Теперь, ему не давал покоя царь ИВАН ГРОЗНЫЙ, из какой-то задуманной им пьесы. К царю Ивану всё приставал какой-то юродивый /без имени/, с огромным пирогом в руках, он совал этот пирог царю под нос, и повторял без конца фразу: «А удержишь ли ты, Ванюша, в рученьках своих царственных – сей! пирожочек?» Тот, наконец, брал в свои руки злосчастный пирог, пирог разваливался на куски, юродивый хохотал, Грозный, размахнувшись рукой с посохом и с возгласом: «Убью, пёс смердящий!», хотел ударить того остриём, но, промахнувшись, попадал в сына своего – Ивана, и убивал его. Убивал и «возопя, аки зверь лесной», весь заливался его кровью. И только лицо Грозного было белым, как мел, а в глазах его, вместо слёз, сверкали молнии.

Потом, выплывал откуда-то очередной Фараон под очередным номером и начинал строить очередную пирамиду, на берегу Нила. Строил он её исключительно сам, а многотысячная свита лишь обтёсывала и подавала ему камни, поддакивая лопоча, подставляя ему свои руки, спины, плечи и головы. Он взбирался по ним наверх. При этом каждый из них, ухитрялся лизнуть ему пятки. И вот, когда тот забирался на самый верх пирамиды, пятки его, сма-

занные слюной верноподданных, скользили по равнобедренному треугольнику и он, размахивая руками, летел вниз. Тогда, толпа верноподданных зло роптала, переходя на недовольный общий гул и, ликуя, забивала беднягу, как мамонта.

Жертву торжественно заносили вовнутрь выстроенной им пирамиды, превращая её в усыпальницу. Появлялся новый очередной Фараон, и всё начиналось сначала.

После каждого сна Виталий просыпался в поту и тревоге. Снова закуривал, и снова веки его постепенно тяжелели,.. тяжелели...

И вот ему уже снится герой его пьесы – скульптор ГОЛОСОВ, из застойного февраля 1980 года. Он крушит свои скульптуры огромной кувалдой, в ночи своей мастерской, при горящих свечах в старинных канделябрах, на таком же старинном рояле, но с переломанными ножками, который теперь, исполняет роль молчаливого стола для круглосуточных беспробудно-тоскливых застолий.

А вот – мчат в санях закованную в цепи БОЯРЫНЮ МОРОЗОВУ, которая кричит, воздев двуперстие: «Сице крещусь»! А потом она же, но почему-то – в современной операционной, на операционном столе, в непристойном виде с мужчиной... И противный звук медицинских инструментов, падающих на железный столик.

А теперь, разгорячённый ГРИГОРИЙ РАСПУТИН в красной длинной атласной рубашке хлещет хлыстом, завывая: «Ходи-и! Ходи-и!» А вокруг него, как белая породистая цирковая лошадь вокруг дрессировщика, бегают красивые породистые женщины с распущенными блондинистыми волосами и в белой исподней рубашке.

Но вот, нежно обнявшись в изящном танце, выплывают две женщины, устроившие себе праздник между русской печкой и иконой Божьей Матери, с букетом свежей сирени., в стеклянной банке, стоящей на столе, покрытом белоснежной скатертью, среди импортных закусок в красивых шуршащих кульках и обёртках, и уже ставшим символикой – «Советским шампанским».

Потом всё это переплеталось чудесным образом: искажалось, искривлялось, вытекало одно из другого, расплывалось, текло ручейками, ручьями, потоками – то чистой, то мутной воды, по которой он шагал, то по щиколотки, а то, по колена – в этих потоках. Шагал, а его окружали какие-то женщины: лица одних были вроде знакомы, других – нет. Кого-то из них он страстно целовал, а кого-то тревожно опасался. Какая-то из них, сидя на застеленной кровати, звала его присесть рядом. А какие-то звали к накрытому многолюдному столу. Но он всё шагал, шагал по воде – босой. А на встречу ему попадались плывущие старые домашние чувяки, стоптанные спортивные тапочки, изношенные ботинки, потрёпанные женские босоножки; он даже подхватил танцевальные сапоги чёрной кожи, и надел себе на ноги, но толи они натирали ему ноги, толи просто были не по размеру..., в общем, дальше он двигался уже без них. Потом он оказался в каком-то дворе, где к нему, к его ноге, приластилась какая-то большая породистая собака. Он стал гладить её по красивой гладкой шерсти и ему, и его руке было это приятно..., но вот в калитке появился хозяин собаки, позвал её и она, пораздумав, повиляв хвостом, всё же – ушла к нему. И в это самое время, вдруг, из всех калиток, которые, оказывается, окружали этот двор – показались разные собачьи морды и страшно стали лаять на Виталия. Но калитки, видимо, были заперты, что спасало его от нападения этих морд, протиснувшихся между штакетниками, и их укусов. И хотя Виталий понимал во сне, что этот сон уже был когда-то, прежде, что это только повторение пройденного, ему было всё же не по себе – неприятно было на душе.

И, наконец, это уже совсем под утро – ему приснился жуткий, огромный – от горизонта до горизонта – накрывающий самое себя – мутный, грязный поточище воды! Это поточище

несло на себе стада коров, отары овец, полчища визжащих свиней, диких кабанов и табуны диких лошадей. Оно уносило с собой целые дома со всем домашним скарбом и их обитателями; заводы и фабрики с их станками, и прокатными станами, не говоря уже о бесчисленных офисах с их компьютерами, бумагами, служащими и посетителями. Короче – оно уносило с собой целые города и посёлки; станицы и хутора; деревни и деревушки!..

Виталия разбудил собственный вопль и страх. За окном и в комнате было уже светло. Он быстро закурил. Курил он глубокими и частыми затяжками, пока не подуспокоился. Он глянул на пол. Так и есть – на полу лежало три потухших, в линолеуме, окурка. Он отлепил их оттуда, и положил в пепельницу.

Снова глянул на пол – бедняга-линолеум был уже весь в обожжённых шрамах и воронках от огня сигарет.

Непорядок, брат, – сказал он самому себе, – опять беспорядок.

Докурив и загасив сигарету, Виталий встал с дивана, взял пепельницу, вынес её на кухню, поставил на зажжённую плиту чайник, сходил куда надо. Вернулся в комнату уже с заваренной чашкой чая и чистой пепельницей, поставил всё на табурет. Достал из буфета чёрную старую папку, отодвинул к стене подушки, достал из папки пять колод карт, положил их стопкой на табурет, папку на диван, а на папку одну колоду карт. Закурил «Приму» и прилёг. Стасовал карты – бросил на бубновую даму. Докурив, подал себе в постель чашку горячего чая. Понюхивая его дымный аромат, и отпивая его маленькими глотками, он догадал на бубновую и допил чай. Отставив от себя чашку, он закурил сигарету с фильтром, и бросил на трефовую. Докурив и догадав, он приподнялся, сел и сказал:

– Всё фигня. /Мягко перевожу я/.

И пошёл заниматься собственным туалетом.

Сделав лёгкую зарядку с упором на дыхательную гимнастику, он выпил вторую чашку чая, но уже стоя у открытого окна кухни, облокотившись на подоконник, любясь зеленью деревьев и радуясь цветам, растущим в палисаднике. Но внимательней всего он поглядывал на небо, пытаясь понять его настроение. Заревел взлетающий и тут же красиво разворачивающийся ТУ-154, но этот ТУ уже тише и мягче ревел – он был более продвинутый, видимо, по требованию Евросоюза.

Ах, всё равно не угадать. А солнышко, всё же, проглядывает.

И, закулив, он сосредоточился на самом себе, делая ещё одну – невидимую зарядку мышц.

3. Файл «ДИТЯ»

На небе действительно появились голубые прогалины с белыми кудрями облаков по краям и, радуя глаз, выглядывало, соскучившееся по земле солнышко. Виталий уже был у себя в комнате, Он открыл свой складывающийся реальный рабочий стол, отчего в комнате стало ещё тесней, включил компьютер, где открылся виртуальный рабочий стол, открыл папку «мои документы», «проза» и с опаской посмотрел на выключенный телефон. Потянулся к нему, вставил вилку в розетку – тот снова заверещал, как бешеный! Виталий поднял трубку – ухо пронзили мерзкие короткие гудки! Он побил по рычажкам – бесполезно. Он бросил на них трубку – телефон вновь заверещал! Он выдернул вилку и бросил её на аппарат! Вернулся к компьютеру и с силой щёлкнул по файлу «ДИТЯ»!

Открылся текст. Виталий стал искать в нём то место, на котором прервала его мать со своими дурацкими вопросами. Нашёл то место, где Мессир говорит Голицыну:

@ @ @

«-. ... Но в другом месте и в другое время я вас угощу хорошей сигарой.

Так что же теперь – мне пухнуть от табачного голода??

Теперь? Теперь – мы пойдём на прогулку по вашему чудному городу.

В такую погоду-то?!

О, сейчас провиднется, – сказал ОН языком, которым говорила бабушка Голицына, Мотя, – вон – тучи уже рассеиваются и уходят. Идите, собирайтесь. Да, и прихватите с собой ваши пьесы, – добавил ОН вслед уходящему в свою комнату Голицыну.

Что – все? – отозвался тот.

Неприменно – все. Их у вас, я знаю, немного.

Голицыну пришлось брать с собой большую чёрную сумку, суетливо складывать туда пачки испечатанной бумаги, вложенные в две папки. Зачем он это делал – он не понимал, но делал. Между делом, он, конечно же, быстренько закурил, неслышно затягиваясь. Но, сложив пьесы в сумку, он, вдруг, что-то вспомнил, кровь прилила к голове его, и он выкрикнул собеседнику:

Но двух пьес у меня нет, они пропали!

Как это – пропали? – отозвался ТОТ, – Сгорели, что ли? Так «рукописи не горят», как говорят.

Да, вы знаете, я, со психа, как-то пытался сжечь свои пьесы, ещё на той квартире, где был женат. Жёг прямо посреди кухни!

Не сгорели?

Нет. Края обгорели и всё. Да и я – успокоился.

Но что вы там,.. собрались?

Да. В принципе.

Тогда, гасите свою паршивую сигарету и – в путь.

Входная дверь тихо хлопнула. И ЕГО не стало.

Голицын повесил сумку через плечо, врубил счётчик, услышал, как зарычал – заработал холодильник, запер входную дверь и вышел из подъезда. Во дворе никого не было. Не было и туч на небе, оно сияло, как вымытое. Духота исчезла, и сразу стало прохладно. Светило летнее предвечернее солнце. Голицын завернул за угол дома и увидел, стоящего на тротуаре проезжей улицы, мужчину в тёмных очках с зеркальным отражением оправленных тонкой золотой оправой. ОН был выше среднего роста. Ни худ, ни толст. ОН был изящен. Одет ОН был во всё чёрное: чёрная рубашка с длинными рукавами, которые были расстёгнуты, а широкие

их манжеты были подвёрнуты, один раз; чёрные ровные брюки и такие же чёрные модельные, с лакировкой, туфли. Чёрные волосы его были гладко зачёсаны назад в собранный на шею хвост, стянутый золотым жгутом. У Голицына в голове мелькнуло сомнение – «Лёха носил такую же причёску». Но сомнение его тут же исчезло: «самое само» этого человека – было совсем не Лёхино, а в причёске ЕГО – с двух сторон, от висков, шли две широкие, посеребрённые сединой, красивые пряди волос, стянутые сзади вместе со всей причёской, тем же золотым жгутом. В правой руке ОН держал длинную трость-зонт, со стянутым красно-чёрным блестящим полотном и такой же блестящей коричнево-чёрной изогнутой широкой рукоятью, под бамбук.

Ну, и как вам погода, Пётр Григорьевич? – спросил ТОТ громким бархатным баритоном, но, который, как показалось Голицыну, слышать мог только он.

Вёдро, – неожиданно для самого себя, ответил он почему-то фольклорно-этнографическим словечком. – Только вот, оделся я – вам не в тон – во всё белое, по-летнему.

Это – ничто. Вы пепельный шатен, я посеребрённый брюнет – будем гармонировать. Вперёд!

Надо идти туда, там автобусная остановка.

Пойдём здесь, пешком, тихими улочками. Ведь здесь ваша родина, вы родились и росли на этих улочках, если я не ошибаюсь.

Не ошибаетесь.

Вот и прекрасно. Так, какие, вы говорите – пьесы у вас исчезли?

Да, именно – исчезли. Две пьесы: «Атоммаш» – о строительстве нового города в Волго-донске и завода. Ну, это ещё в те времена, когда я в ТЮЗе был комсоргом, и мы шефствовали над этой стройкой. Я туда часто наезжал. А вторая пьеса о Лермонтове, с которой я поступал в Литинститут.

Это, который имени Горького, в Москве?

Ну – да. Правда, это огромная пьеса с массой действующих лиц,.. по-моему – за сто пятьдесят, насколько я помню.

А насколько я помню – вы посылали её туда два раза.

Точно. Первый раз – меня вызвали, как прошедшего творческий конкурс, но я не поехал. Но, представляете, мне её прислали обратно, хотя...

Хотя, рукописи, по условию конкурса – не возвращаются.

Конечно!

А вам вернули и, мало того, сопроводили её приглашением «вторично участвовать в конкурсе».

Да. И я послал её туда на следующий год...

И снова был приглашён, и поехал, и был принят.

– Точно. Так.

Хэ, хэ. Х-э – рошо.

Чудеса!

Чудеса, – с гордостью подтвердил Мессир, – но чьи?! – и он захохотал. – Так, – сказал он, сняв смех, и посерьёзнев, – а что же было со второй пьесой?

С «Атоммашем»? Ничего не было. Хотя заказывал её наш тогдашний главный режиссёр. Он её прочитал, но ставить и не думал: «Про цемент и про раствор я спектаклей не ставлю» – сказал он и вернул мне пьесу.

Значит, пьеса была – барахло?

Да, наверно. Я ведь был такой же «совдепонец», как и всё вокруг. Наверно – была штамповка. Хотя я писал её от души и, даже, с болью.

С болью «за кого» или «за что»?

И «за кого», и «за что». Я видел девчоночьи беспомощные слёзы, когда их бригаде завозили раствор в конце рабочего дня и как они спешили его класть, и сбивали руки до крови, хотя, целый день они просидели и прождали этот раствор. И так каждый день, как закон. А другой бригаде, почему-то, завозили невостребованный ими раствор, и он засыхал. Но с ним, потом, что-то надо было делать, потому, что он уже «висел» на этой бригаде. А то – вообще, шофера вывозили раствор в степь и ссыпали там, потому, что денюга их шла от количества ходок. И так – всё! было организовано. В общем, строили всё – на соплях. Эти новые дома тут же оседали, давали трещины. Ай, много всякого бардака там было. Бирюзовые стены завода!

А это что?

Да так, вспомнил. Романтическая гордость тамошнего начальства: «Бирюзовые стены завода». Правда, потом, стали говорить: «Голубые стены «Атоммаша». Да-а, давно это было.

Ну и мерки у вас. Это, уважаемый, не далее, как вчера было.

Голицын, понимая, промолчал. И ещё, дорогой ему в глаза бросилась одна деталь, поскольку он побаивался собак: уличные собаки при их приближении – начинали тихо подвывать и, выпучив глаза на его попутчика, не моргая, осторожно пятились назад. Но что Голицыну хотелось отметить в эти моменты, что от рядом идущего-то исходил приятный сексуальный, но не навязчиво лёгкий запах какого-то шикарного одеколона.

Не люблю собак. А они, естественно, меня.

За что же вы их не любите, Мессир?

За их лакейство. И причём, часто – показное. О! Памятник Карлу, – и заглянув на ту сторону постамента, где надпись, добавил, – Марксу. Надо было прибавить: «От неблагодарных потомков»!

В каком смысле?

В двух смыслах: за то, что поставили его, вместо Екатерины Великой, даровавшей им – крымским армянам, эту землю; и за то, что не довели его учение до конца. А, впрочем, дальше было уже некуда. Беру второй смысл обратно – был не прав.

Да вы, Мессир, историк.

А как же. Вот – улица «Советская». А вы, Пётр Григорьевич, говорили: «давно это было». Вчера, уважаемый, вчера.

Они действительно шли по «Советской» улице. По улице детства Петра Голицына. Эта улица и эта площадь с памятником, вокруг которого, когда-то было троллейбусное кольцо, были в ту пору для Голицына – первым центром города. Это потом уже была открыта для него Театральная площадь со знаменитым фонтаном. Театр-трактор, который он помнит ещё в обожжённых руинах: улица «Энгельса» с её скверами и Садами. Всё это

было когда-то родным для него. Он даже испытывал гордость за это – родное. Но сейчас он шёл уже по чужому городу, и как произошло это отчуждение, в течение какого времени – он не мог понять. А уж, почему или из-за чего это произошло – он не мог бы ответить и на самом Страшном суде! Вот и этот маленький книжный магазинчик, на той

стороне улицы. Это в нём были куплены первые учебники и первый школьный портфель с пеналом и карандашами. Он ещё помнил их запах и запах этого магазинчика. Но теперь, он любил его чисто умозрительно, а душой и сердцем – уже нет. Почему??

А что вы скажете об этом угловом магазинчике? А? Наслышаны, небось, за всё своё проживание в этом городе?

Да-да, как же. Его в народе называют – магазин на восемнадцатой.

Да-да, на восемнадцатой.

В нём торговали текстилем, кажется. Да, он был скандально известен бесконечными арестами его директоров или заведующих. Их без конца ловили на каких-то кражах, какой-

то социалистической собственности; судили, сажали. Назначали других, и всё повторялось по тому же сценарию.

Мессир весело захохотал своим роковым смехом,. А когда перестал смеяться, преградил Голицыну движение своей тростью, как шлагбаумом, и спросил:

А знакома ли вам эта дверь? – и ОН указал острым концом зонта на невзрачную дверь в здании Районного отделения милиции.

И в голову Голицына вонзилось множество мелких иголок. Но он постарался ответить, как ни в чём не бывало:

Это Паспортный стол. Вон же – написано.

То, что написано, я вижу. А вы ничего не хотите добавить?

Что же я могу добавить?

Ну, например: «И оно рвануло!»?

У Голицына в глазах поплыли спиральки накала от электрических лампочек. Такого допроса он не ожидал. Такого! он не мог предположить даже в самом невероятном сне. Но, глубоко вздохнув, и переведя дыхание, он, всё же, собрался и ответил с улыбкой:

Да. Так должен был начаться один мой маленький рассказ.

И вот в эти двери должен был войти ваш террорист.

Да. Но он сюда не войдёт, потому что – это начало рассказа я уничтожил, и рассказа больше не будет.

Но остался файл под названием «ДИТЯ», потому что рассказ вы предполагали назвать: «Дитя террора», не так ли?

Так точно! Вашш-ство!

Не ёрничайте, к вам это не идёт. И не обижайтесь на меня, пожалуйста, я просто хотел похвастать перед вами своими познаниями. Ну, есть у меня такая слабость. Но с кем не бывает. Ну, вы прощаете мне эту слабость?

Прощаю, – угрюмо и подавленно ответил Голицын.

Вот и прелестно, – воскликнул Мессир, почему – то, грассируя букву «р», – продолжим нашу чудесную прогулку по вашему славному городу, – и, вдруг, запел песню из репертуара Вертинского: «Ах, где же вы, мой маленький креольчик,

Мой смуглый принц с Антильских островов.

Мой маленький китайский колокольчик —

Капризный, как дитя, как песенка без слов.»

И они продолжили свой путь. У Голицына, за прошедший путь, честно говоря, порядком подустали ноги – он всё время вынужден был обходить грязь и перешагивать, а то и перепрыгивать многочисленные лужи, в своих светлых босоножках, стараясь не отстать от собеседника. А ТОТ шагал, не считаясь ни с какими преградами, изящно переставляя свою трость, и так ловко, что на ЕГО туфлях, а тем более, брюках, не было ни единой помарки.

Я надеюсь, вы ещё не устали от нашей прогулки, дорогой мой, – любезно обратился ОН к своему спутнику, прервав свою песенку.

Представьте себе – устал, – Голицын несколько смягчился, услышав нравившуюся ему песню, любимого им артиста, в неожиданном, но довольно милым

исполнении. – Я отвык от прогулок. И отвык, как теперь подозреваю, исключительно по вашей милости, Мессир. Вы заперли меня в четырёх стенах, оставив лишь две прорехи, забитые железной сеткой, чтобы я дышал – пол окна на кухне и форточку в моей комнате! Я белого света не вижу. Я перестал общаться с живыми людьми!

Вот так номер! Молитесь-то вы не мне! Но, не будем трогать эту те-му-у, – замычал ОН почему-то в конце фразы, заглядывая в глаза Голицына, приблизившись к его лицу так,

что тот увидел в зеркале его очков, искривлённое отражение своего лица, – мму-у, – снова промычал ТОТ.

И тут, Голицын ощутил лёгкий холодок, веющий от лица собеседника. Впрочем, ТОТ немедленно выпрямился и сделался как струна. А по спине Голицына пробежали мерзкие мурашки. И в то же время он осознал, что у Мессира произошла какая-то заминка, что-то ЕГО остановило на полу-фрвзе, но что именно – он не мог сейчас понять. А ТОТ, как ни в чём не бывало, продолжил свой путь, поигрывая тростью и продолжая напевать начатую ИМ песенку:

«Такой беспомощный, как дикий одуванчик,
Такой изысканный, изящный и простой,
Как пуст без вас мой старый балаганчик,
Как бледен ваш Пьеро, как плачет он порой».

Но Голицыну «шлея под мантию попала» – он решил высказаться, излить всё наболевшее за эти бесконечные дни затворничества и одиночества! Он поравнялся со своим спутником и оборвал ЕГО песню:

Кроме того, что вы пережгли мне все лампы, телевизоры и магнитофоны – вы без конца ломаете мне телефоны! Вы всячески нарушаете мою связь с миром, с живыми людьми!

Опять – с живыми. Да где вы видите в своём окружении живых людей?!

Да у меня нет окружения! Семь лет – как нет!

Вот и прекрасно, что нет! Вы получили взамен – компьютер, и будьте любезны!

И Мессир зашагал через дорогу, минуя угол здания Волго-Донского пароходства. Голицын последовал за ним на другую сторону улицы. И они остановились на углу у начала парка имени «Октябрьской Революции», перед рекламной тумбой. Голицын энергично размахивал руками, а Мессир крутил своей тростью, как Чарли Чаплин. К ним подошёл наряд милиции: офицер в белой форме и, видимо, два омовца в камуфляже.

– Какие проблемы, господа, – спросил офицер, взяв под козырёк.

– Никаких, – растерянно ответил Голицын.

И тут к ним подскочил гаишник из ГИБДД:

Я им свишу, а они как будто и не слышат! Нарушаете граждане. А вы знаете, сколько ДТП происходит на этом участке дороги?

Вас ист дас – ДТП? – поинтересовался Мессир, говоря по-немецки.

Он что, иностранец? – поинтересовался, в свою очередь, офицер из наряда, глядя на Голицына.

Так точно, – ответил Голицын уставным оборотом.

Ваш аус вайс, – обратился офицер уже к иностранцу и выставил перед собой ладонь правой руки.

ТОТ молча достал из заднего кармана брюк паспорт, в позолоченной корочке из мягкой фольги и протянул его офицеру. Но при этом, ОН держал руку с документом так, как подавал руку Папа Римский своим прихожанам, для поцелуя. И только сейчас Голицын увидел на безымянном пальце этой руки огромный перстень. А в перстне том бриллиант, который весело сверкал, то синим, то белым, то красным огнём. Это огненное сверкание пробежало по глазам блюстителей порядка, и они все на мгновение сощурили свои глаза. Милиционер взял у иностранца корочку, раскрыл удостоверяющий документ, и тут же закрыл его, сказав, обращаясь к гаишнику из ГИБДД:

Нам необходимо проследовать в ваш автобус, для выяснения обстоятельств.

Прошу, – ответил тот с готовностью гостеприимного хозяина.

А вы, товарищ, побудьте здесь, с нашими товарищами, – сказал офицер, обратившись к Голицыну. – Геен ин аутобус, – сказал он иностранцу и указал рукой путь к дежурному автобусу ГИБДД, стоящему на противоположной стороне дороги.

И тройка ушла в автобус.

Голицын с напряжением ждал, что оставшиеся с ним два омовца начнут задавать ему вопросы. Но они молчали, как глухонемые. Буквально через пару минут задержанный вышел из автобуса и вернулся к своему спутнику, спокойно перейдя дорогу.

Свободны, – произнёс прорезавшийся голос одного из омовцев, лениво поднёсшего руку к козырьку своей камуфляжной кепки.

Спасибо, – сказал Голицын, и быстрым шагом пошёл прочь с этого места, оставив своего спутника, как будто они вовсе и не были знакомы никогда. Он шагал так быстро, что чёрные железные прутья ограды парка имени «Октябрьской Революции» мелькали мимо него, превращаясь в сплошную стену. Эта ограда и огромные жёлтые, а иногда и белые звёзды на ней, сопровождали его всю жизнь, как на фотографиях, хранившихся в его домашнем альбоме, так и в его собственной памяти и вот в таком реальном виде, когда ему приходилось бывать здесь или проезжать мимо.

Куда же вы, маэстро?! – колоколом раздалось над ухом Голицына, ухнуло в здание Управления Северокавказской железной дороги на противоположной стороне улицы, задрожало в прутьях парковой ограды, заполнив баритональным эхо весь этот отрезок улицы, и ударившись о торец здания Волго-Донского пароходства, ринулось, наконец, на широкие просторы Театральной площади.

Куда, куда – кор-р-рмить верблюда, – зло ударил Голицын на последний слог.

Какого верблюда??

З-зелёнького!

Да стойте же вы, наконец!

И Голицын остановился, и стал, как вкопанный. Он разгорячённо дышал, был бледен и насуплен.

Что с вами? Что произошло? – удивлённо спросил покинутый спутник.

Это вы меня спрашиваете??! Да это – я должен спросить у вас – вы что, специально притягиваете к себе всякие неприятности на мою голову?! Мне вот только милиции сейчас и не хватало – для полного счастья!!

А что – вы что-нибудь нарушили или украли, – наивно спросил ТОТ.

Боже сохрани! Я никогда ничего не крал, и красть не собираюсь! С голоду умирать буду, а не украду!

Так чего же вы тогда испугались? У вас в стране есть прекрасный лозунг: «Моя милиция – меня бережёт»!

Значит так, дорогой Мессир, – интимно-заговорчески заговорил Голицын, – у нас здесь своя жизнь – и вам не понять. Так что, прошу соблюдать элементарную этику и советоваться со мной, прежде чем совершать какие-то поступки.

А что я сделал?? Я перешёл улицу, как и принято у вас – где попало. И в этом, как раз таки, я не нарушил вашей этики. А вы, между прочим, шли за мной по пятам. И кричали – вы. И размахивали руками – вы.

Ладно, не будем спорить – «кто виноват».

А что будем делать?

Голицын огляделся по сторонам:

Вы мне скажите, что они у вас спрашивали?

Ничего.

Как? Вообще – ничего?

Ровным счётом – ничего. У меня в паспорте была «заряжена» купюра.

Какая купюра?

Фальшивая, конечно. Вы же знаете, читали. Мне ведь командировочные не платят. Бюджетов мне не утверждают.

Вы с ума сошли, – у Голицына ноги стали ватными, – они же нас искать начнут, когда ваша купюра превратится в пустую бумажку.

Обижаете, маэстро. Они забудут, как мы выглядели. Уже забыли.

Уходим.

И они, не подавая вида, двинулись дальше.

А дальше – перед ними открылась широченная Театральная площадь. Они обогнули вход в подземный переход, и пошли по раздольному тротуару, идущему мимо Театра-трактора. И на этом пути Голицын вновь зашипел на своего спутника:

Учтите! Я твёрдо придерживаюсь правила – «никогда не разговаривать с неизвестными»! И я бы в жизни не заговорил с вами – встретьтесь вы мне на улице! Но вы хитростью вошли в мой дом!

Ни какой хитрости – вы сами впустили меня, – обиженно поправил ОН своего собеседника.

Потому что вы прикинулись Лёхой!

Вы сами обозвали меня этим именем, – снова обиделся Мессир, – и я принял вашу игру, – невинно заключил ОН.

Как вы ещё не додумались, на этот раз, явиться сюда с этим вашим мурлом!

Каким это мурлом, – с недоумением, но и с лёгкой обидой в голосе спросил Мессир.

С каким, с каким – с котом вашим дурацким! И с этим ещё,.. как его,.. с клыком-то... – Азazelло! Вот.

Мм, – понял ТОТ.

«Гусеницы» «Трактора» были в строительных лесах, местами задрапированных прозрачной мелкой сеткой. И вот, из правой от них «гусеницы», стёкла которой были выставлены, а лестница, ведущая наверх в офис Ростовского отделения Союза театральных деятелей, была, естественно, доступна с улицы, выскочил чёрный пушистый кот, с сединой у носа. Он выскочил, затормозил перед Мессиром и его спутником, сделал кульбит, прыгнув выше их голов, нырнул обратно сквозь леса на лестничную площадку СТД, надулся там как шар, и заорал на всю лестницу, как ужаленный: «Ме сси-и-ирр»! И с этим мерзопакостным криком, он пролетел вверх по лесам, прыгнул на драпировку сетки и, разорвав её сверху донизу, метнулся куда-то вглубь, и исчез.

У Голицына ноги вновь стали ватными и даже подкосились. Но он вовремя был поддержан под локоть своим спутником.

Ничего, это пройдёт. Это бывает, – успокаивал ОН Голицына.

Что пройдёт, – тихо стонал тот, – что бывает?

Пойдёмте. Пойдемте, присядем на скамеечку.

Они пошли мимо парадного входа СТД, мимо левой «гусеницы» Театра... И только сейчас Голицын понял, что сегодня суббота, увидев множество свадебных машин,

запрудивших площадь, и толпы нарядно одетых людей, сопровождающих к фонтану и обратно – женихов с невестами.

Мне же сегодня к Светлане Николаевне надо, – вспомнил он.

Не надо, – успокоил Мессир, – сегодня она вас не ждёт. Вы же договорились — сегодня у неё дела,.. потом, стирка.

Да?

Конечно. Граждане, – обратился Мессир к сидящим, на первой попавшейся лавочке, за клумбой красных барбарисок, и любующимся фонтаном и свадьбами, – уступите одно местечко, человеку плохо.

Граждане глянули на просящего. И не сразу, а поочередно и молча, покинули насиженные места. Спутники присели.

А в прежние времена, облаяли бы, – сказал Мессир, пытаюсь отвлечь своего спутника от грустных мыслей, – а вы говорите, что нет перемен к лучшему.

Фонтан шумно струился, и от него повеяло влажной свежестью. Голицын закурил, глубоко затягиваясь дымом и облегчённо выдыхая его из себя».

@ @ @

Виталий оторвал глаза от текста и тоже закурил. Потом он встал, повертел головой в стороны, вверх, вниз. Размял шею. Пошёл на кухню, поставил чай. Заглянул в комнату матери, та лёжа читала какой-то очередной «бицелир». Эти бестселлеры поставляла ей соседка из дома напротив – запойная женщина, которой тоже кто-то давал почитать эти книги, когда запой её кончался до следующей пенсии. Виталий раскрыл двери пошире, вошёл и тогда только посту- чал, для вида:

Можно?

Стучишь, когда уже вошёл. Попробовала б я к тебе так, так ты бы уже заорал на меня.

Я так понял, что у тебя телефон работает?

У меня – работает. А он и работал.

Виталий подошёл к её старинному, ещё заводскому, чёрному телефонному аппарату, снял трубку, послушал – нормальный гудок.

Ма, надо бы Жорика позвать, – просительно проговорил он, кладя трубку на место.

Жорик был телефонным мастером и являлся родственником её близкого друга.

Ой, да неудобно уже – без конца Жорика зовём. Ладно, вечером позвоню ему домой.

Виталий вышел на кухню, заварил в чашке чай, поставил дымящуюся чашку на подокон- ник, собираясь попить чаю у раскрытого окна. Погода была хороша: хоть небо и

было покрыто тяжёлыми облаками, но солнышко часто выглядывало, играя лучами между листьями старых высоких тополей. Раздался надрывный рёв реактивного ТУ, упорно отрывающегося от земли.

Значит, ветер всё-таки дует – западный. «Морячка дует», сказал бы я прежде или «низовка». Да, уже и забыл, когда был на рыбалке. Блин! – он с силой ударил кулаком по под- оконнику! – Но как же у меня всё это там получилось??!

Он схватил блюдце с чашкой и пошёл к себе.

Виталий сел за стол, и обжигая губы и горло горячим чаем, стал читать дальше:

4. Фонтан

@ @ @

«Голицын закурил, глубоко затягиваясь дымом, и облегчённо выдыхая его из себя.

Так он курил долго и молча, постепенно успокаиваясь, и безучастно глядя на всю эту пёструю панораму у фонтана, скульптура которого состояла из четырёх атлетов, держащих на своих руках вазу, из которой, собственно, и бил фонтан.

Первым заговорил Мессир:

Ну, что за архитектура, – указал ОН тростью на Театр-трактор и очертил его по воздуху.

Хо! – включился Голицын, – копия макета этого здания стоит в Англии, в каком-то там музее мировой архитектуры.

В Англии, может, и стоит – копия. Смотрите, чтоб не рухнул у вас – оригинал.

Что вы, типун вам на язык.

Да хоть – десять типунов. А я – предупредил.

Он и так, уже горел. В Великую Отечественную войну, немцы на него бомбу сбросили. Кстати, Мессир, а кто должен ответить за ту войну??

Так уж ответили.

Кто?? – изумился Голицын.

Её жертвы, – холодно произнёс ТОТ.

Ка-ак?!

Так. А у вас есть другая валюта для таких платежей?

Голицын замолчал. Его передёрнула холодная дрожь. Он о чём-то глубоко задумался.

Мессир же – запел последний куплет вергинской песенки:

«Куда же вы ушли, мой маленький креольчик,

Мой смуглый принц с Антильских островов,

Мой маленький китайский колокольчик,

Капризный, как духи, как песенка без слов».

А когда ОН перестал петь, то спросил наивным манером:

Но как театр может быть трактором, спрашиваю я вас?

Может, – не выходя из угрюмой задумчивости, проговорил Голицын. – Задавил он много – создал мало. И вообще, это же Советская архитектура тридцатых годов двадцатого столетия. Коллективизация и всё такое.

И в это время Голицын поднял глаза, и увидел следующую картину: у бьющего струями фонтана, в окружении толпы зевак и свадебных процессий, ходил огромный кот, с сединой у носа, и выкрикивал голосом ярмарочных зазывал:

А вот кто ещё хочет сфотографироваться с настоящим котом гигантских размеров, занесённого, в пятницу тринадцатого, в книгу мировых рекордов Гиннеса – на счастье долгое и на вечную память! Плата по таксе – договорная, но деньги вперёд!

У Голицына выпучились глаза и с такими глазами, он повернул голову на Мессира, и, потеряв дар речи, долго смотрел на НЕГО с немым укором!

Мессир же, в свою очередь, улыбнулся ему во всю широту своей обаятельнейшей улыбки и по-дружески спросил:

Вы что, не помните своего любимого кота по имени Седя, которого вы похоронили, за домом, где когда-то счастливо жили со своей бывшей теперь уже, женой Любой и дочерью Анной, которая и дала имя этому замечательному коту. Но мы его зовём просто – Седой. Не обессудьте.

А до Седи, у нас ещё была, такая же чёрная, одноглазая хулиганка по имени Хунта, она там же похоронена – за домом, вы её сюда не привели? – смотря, скорей, на своё отражение

в зеркальных очках Мессира, чем непосредственно на НЕГО, проговорил, как загипнотизированный, Голицын.

Нет. Хунту не привели. Женщин не берём.

Голицын, приходя в себя, стал наблюдать картину, разворачивающуюся у фонтана: кота окружили фотографы, которые «рвали его на части», суя ему в лапу бумажные купюры. От желающих сфотографироваться с таким правдоподобным котом не было отбоя.

Особенно отличалась в этом – слабая половина пола. Но были и групповые пожелания – кота ставили в центр компании или просили его лечь у их ног. И тогда он ложился, и возлежал, как хозяин положения, подперев морду передней лапой.

Не отрывая глаз от происходящего, Голицын воскликнул, обращаясь к Мессире:

Да ведь они принимают его за артиста, напялившего на себя такую искусно-сработанную шкуру и маску! Сейчас по Ростову много таких разных кукол ходит!

Но дальше события развивались следующим образом: одна из участниц очередной свадебной процессии, по-видимому, чья-то кума – у неё через плечо была красная

перевязь, обняв нашего кота, разгорячённо, и очень громко просила своего, видимо мужа, заплатить деньги фотографу, чтобы сняться с котом. Она без конца повторяла своим базарным голосом: «Коля-а, ну, я хочу! Слышишь?! Я хочу! Ну, заплати им, Коля-а! Я хочу. Ко-ля-а!» Коля же бурчал что-то вроде: «Иди на. Отстань. Отстань, говорю, иди на».

Но та никак не отставала. И тогда Коля не выдержал и заорал во всё своё горло: «Да ты сама драная кошка, зачем тебе ещё и этот драный кот?! Дура!». И тут не выдержал кот. Он ловко высвободился из-под руки кумы, размахнулся правой лапой и вlepил Коле такую оплеуху, что тот рухнул на руки окружающих. И тут, кто-то щёлкнул фотоаппаратом и

вспышка запечатлела классическую немую сцену из бессмертной комедии Гоголя «Ревизор». Первой, у кого прорезался голос, была сама кума. Она вдруг заорала истерическим голосом: «Ах, ты котяра с протухшими яйцами!.. Да я тебе за моего Николая – пасть твою поганую порву!» Но кот, не долго думая, развернулся и дал такую же оплеуху своей фотомодели. Тут уж выдохнула вся толпа, и кто-то крикнул: «Бей его, ребята!» А другой зычный голос добавил: «На казака Гниловской станицы руку подымать!» И толпа, с рёвом, кинулась на кота. Но не тут-то было – кот увернулся и побежал в ту сторону, где сидели Мессир с Голицыным. По пути, он оборачивался, дразня догонявших его, вызываясь крутя задом, и виляя хвостом. Этого толпа не могла перенести, среди неё отрезвели те, кто был под мухой, и она, рывкнув, с новой силой, бросилась вдогонку за котом, всерьёз. Кот прибавил в скорости, пробежал мимо своих хозяев, обдав их горячим ветром и самым настоящим кошачьим запахом, и побежал дальше – по свадебным авто, проломив своим нарочитым топотом – пару, тройку крыш самых крутых «тачек», в окнах, которых, треснули и посыпались стёкла. После чего он побежал дальше – через Театральную площадь. Разъярённая толпа не отставала.

Мессир резко встал и сказал Голицыну:

Бежим. Нам нельзя упускать его из виду. Он укажет нам дорогу.

Какую дорогу?! Куда бежим?! – но увлечённый своим спутником, он уже мчался среди пёстрой и разноликой толпы, среди перемешанных запахов духов, одеколонов, пота и перегара.

Но увлечён погоней был не только Голицын. Погоней было увлечено всё, что было в округе. Опустились: парк имени «Октябрьской Революции», сквер у фонтана, парк имени «Вити Черевичкина»; остановились машины, автобусы, троллейбусы, проезжавшие по площади, из них выскакивал народ, охваченный непонятным им самим весёлым любопытством, и тоже бежал в след бежавшим. Давно уже так спонтанно не оживлялся город. А главное, что всем было от чего-то – весело!

Толпа ринулась через Театральную площадь, и достигла противоположной её стороны, откуда открывалась широченная панорама низкобережного задонья, в голубой дымке летнего марева. Но прямо перед их глазами и ногами разлёгся и вырос бело-выложенный комплекс – памятник, с высоченным монументом «Ники» – победительницы-освободительницы. К этой «Нике» вели ступеньки, по которым и сбежал злосчастный кот.

И тем, которые бежали непосредственно за ним, повезло. Но те же, кто не вписывался в центральную колонну бегущих, и бежал в боковых колоннах, думая, что ступеньки предусмотрены на всю ширину комплекса – со всего маха падали в каменную его пропасть, разбивая свои колени, локти; стёсывая животы и бока, и что там ещё?!

Голицын даже приостановился и оглянулся – на глухо падающие звуки со страшными воплями и многоэтажной матерщиной. Но ничего толком не увидев, он глянул перед собой, и понял, что стоит рядом с постаментом. Он резко поднял голову, увидел сияющую позолотой «Нику» в юбке, как бы летящую к Дону, на игле своего высоченного пьедестала, и ему стало не по себе. Ему показалось, что «Ника» довольно прилично качается, на фоне бездонного неба. Голова его закружилась, и он стал искать глазами фигуру Мессира.

Но ни что уже не могло остановить увлечённую бегом толпу.

И если бы кто взглянул сверху на это зрелище, то увидел бы пёстрое море людей, движущееся в сторону легендарной реки Дон. Но поскольку на пути этого движения стояла преграда в виде забора стального цвета, то море потекло вправо – по трамвайным путям. Затем, влево и опять вправо, следуя, почему-то, именно трамвайным рельсам. На встречу морю шёл красненький трамвай 1-го маршрута.

Голицын настиг своего спутника, и бешено дыша, спросил его:

Мессир, что-то вы давеча кличали меня – «маэстро»... вы не на «Берлиоза» намекали? Вот мы и по рельсам трамвайным бежим. А вон трамвайчик – навстречу.

А Аннушка – масло уже разлила?

Не каркайте, следите за котом.

Но за котом следила зорче всех всё та же кума. Она прямо вперила свои налитые кровью глаза, в его виляющий зад. И вообще – женский пол был впереди.

А кот всё бежал, играя в поддавки, пока перед ним не вырос, застывший в шоке, трамвай. Из трамвая же, уже успел выскочить мужчина-водитель, бросившийся, на всякий случай, наутёк от надвигающейся толпы, возглавляемой непонятным огромным чёрным существом, крича при этом: «Помогите-е»! Пассажиры же трамвая ничего не успели предпринять, они обречённо замерли и ждали своей участи.

А кот, поравнявшись с трамваем, бахнул задней лапой в правый бок кабины, оставив на память приличную вмятину и, как бы, по инерции удара, свернул влево – в переулок, круто ведущий вниз – опять же – к Дону.

Поток догоняющих, так же круто изменил своё русло и побежал по переулку вниз. Но теперь, в этот бурный поток влился и ручеек трамвайных пассажиров, воспрянувший чувством отмщения за свой напрасный и постыдный страх. Это же чувство настигло и убегающего водителя, шокированного и теперь уже физически оскорбленного трамвая!

Не останавливая своего бега, он развернулся на месте и помчался в след убегающему потоку, заключая собой массовое действие.

А там – в авангарде, на глазах у изумлённой кумы и других «боевых подруг», и некоторых «лыцарей», догоняемый ими объект, вдруг, сдулся, прямо на ходу, и превратился в обычного чёрного кота. Кот продолжительно мяукнул, фыркнул, юркнул в первую попавшуюся щель забора и скрылся с глаз. Толпа стала тормозить. Куме стало плохо. А остальным стало непонятно.

Мессир придержал своего спутника и сказал:

Теперь можно не спешить

А что случилось, – спросил тот, перейдя на «бег на месте», тяжело дыша и несколько в зашоре.

Не знаю. Зададим этот вопрос даме, с алой лентой чемпиона на груди.

И действительно – кумовская перевязь, в результате пылкого марафона, вся целиком переместилась на её разгорячённую грудь. Ей и, правда, было плохо – не по себе. Её взяли под руки и усадили на какой-то бордюр, в проулке.

Мессир пошёл сквозь толпу, дежурно проговаривая препятствующим:

Врача-психолога пропустите к больной. Пропустите психолога к пострадавшей. Дайте дорогу врачу. Дорогу доктору.

Голицын молча пробирался за НИМ. Мессир достиг бордюра с побледневшей кумой.

Что с нами случилось? – спросил ОН, беря её руку и щупая пульс.

Та посмотрела на НЕГО, как на Спасителя, и произнесла: «Он – кот».

А кто же он ещё? – сказал «доктор», тут же отпустив её руку. – Конечно – кот. А вы не обращайтесь на него внимания, и всё пройдёт. Была гроза, потом – солнце. Теперь, вот – свадьба. А вы как думали? Перегрузки. Сто пятьдесят грамм водки – и всё, как рукой снимет! – сказал «психолог», обращаясь к ней и ко всем окружающим.

Толпа весело оживилась. В её недрах раздался бутылочный звон и перед Мессиром возник стакан доверху наполненный водкой. Стакан держал тот самый Коля, умоляя «доктора» выпить за здоровье его жены.

Спасибо, не могу, – ответил «доктор», положив руку на сердце, – мне ещё работать.

И ОН двинулся обратно сквозь говорливую толпу народа, увлекая за собой молчаливого Голицына.

Когда они вышли из народа, Мессир, со знанием дела, сказал Голицыну, – нам сюда, – и указал тростью направление дальнейшего их движения.

Голицын же, в свою очередь, со знанием дела, поспешил разочаровать его, – там тупик.

Как – тупик?

Там – Дон.

А говорите – тупик. Дезинформируете. А Седой своё дело знает. У него – нюх. А что это за благословенный переулочек такой, – стал ОН крутить головой, ища на домах и заборах табличку с названием переулочка.

Да, Мессир, это действительно переулочек – «Державинский» называется, – всё же проявив свои знания, сказал Голицын..

О! Это тот самый, как это: «... старик Державин нас заметил, и в гроб, сходя, благословил»?

О! Вы и это знаете?

А как же.

Но вряд ли это в честь того – пушкинского Державина. А впрочем – чем чёрт не шутит.

Мессир промолчал, и широко зашагал, изящно переставляя свою трость и стуча каблучками туфель по асфальтово-булыжной мостовой, ведущей к Дону. Голицын пожал плечами, глянул на непривычно-голубое небо, и последовал за своим непредсказуемым гостем».

@ @ @

5. Москва – Беслан

В тот день, на этом месте текста, Виталий выключил компьютер. Ему вновь стало не по себе. Он собрал стол, всё расставил по местам. Долго слонялся по квартире – из комнаты в кухню и обратно, и снова, и не находил себе места. И, поскольку, погода вроде распогодилась, решил поехать к своей, как теперь говорят, «гражданской жене», а заодно,

и пройтись по городу. Переодевшись, и помолясь на маленькую иконку Пресвятой Богородицы, он вышел в прихожую, надел туфли, и крикнул матери, что уходит.

Мать засуетилась, вышла из своей комнаты и спросила:

Куда?

Да что же ты всё кудакаешь! – взбеленился Виталий, – сколько ж можно тебе говорить?! Как учили ваши же родители – «далеко ли идёшь» или ещё как!

Фу, да ладно! Умничаешь!

Я к Ларисе.

Тю! А она разве не в школе – не на работе сейчас?

Ну и что, у меня же ключи есть.

Ну, езжай, я что. Ты ж её ещё не видел, как она с моря приехала.

Виталий доехал на маршрутке до центра города. Там пошёл пешком. Город жил: шли загоревшие барышни, уже вернувшиеся с курортов, и держащие у своих ушек – мобильники, шли такие же дамы, не желающие ни в чём уступать этим барышням; работали магазины и аптеки, размножившиеся, как кролики; кое-где появились био-туалеты, что для этого города было большим достижением. Стало больше кафе и ресторанов, много было столиков прямо на улице, был свой «Макдоналдс» – всё было. И всё это радовало его. Но всё это было чужим. Он не жил в этом – он наблюдал это.

«А вот и ещё один «алкающий в пустыне» – подумал Виталий, видя, как ему наперерез, от остановки на улице «Семашко», ринулся местный поэт – Грунько.

Привет, старик, – обрадовано произнёс тот на ходу, протягивая Виталию свою руку.

Привет, – ответил, улыбаясь, Виталий, и здороваясь с ним за руку.

Грунько, как всегда, был несвеже одет, и лицо его было несвеже. Таким он был до «Перестройки», во время неё и после. Так что Виталию нечему было удивляться. Но надо сказать, что Саша Грунько был знаменитый поэт. Его выделяли даже его коллеги поэты. В коммунистические времена – его, конечно же, не печатали. Нет, у него не было прямых антисоветских стихов, но то о чём он писал, и каков он был сам – не влезало ни в какие официальные рамки. Но во времена «Перестройки» кто-то издал сборник его стихов, о нём сделали фильм, по моему – Петербургское телевидение, но теперь – о нём все забыли. О нём просто негде было помнить. Теперь – совсем не стало тех мест, где бы могли помнить поэтов.

Слушай, старик, – обратился Грунько к Виталию, своим распевным слогом, – выручай, а то умру.

Не надо умирать, – ответил тот, глядя ему в глаза.

Тогда, выручай, старик – дай десять рублей.

А что, сейчас на десять рублей можно выпить? – удивился Виталий, запуская руку в карман своих брюк.

Да-а, – со знанием дела, уверил его Грунько.

Виталий достал из кармана десятирублёвую бумажку, и отдал её просящему.

Старик, ты всегда был человеком. Спасибо тебе. Дай мне сигарету.

Виталий вытащил из пачки несколько штук «Примы», поделился с поэтом, и сказал ему:

Ну, что ты здесь делаешь – среди этих городских камней?! Ты же, с весны, всегда уезжал в Танаис, и прекрасно себя чувствовал. Зачем ты не в Танаисе?

Старик, у меня же сумасшедшая жена, – протянул он, – в прямом смысле слова, – уточнил он, – я сейчас с ней проживаю. Ладно, не хочу об этом. Ты же знаешь, Жорка Булатов умер, – обречённо заговорил он о другом поэте.

Знаю. Ты мне говорил.

Да? А ты – где сейчас?

Нигде. Я тебе уже говорил.

Как, вообще – нигде? – в который раз, при их встрече, на этом же месте, удивился Грунько. – Ну, как же так, старик? А твоя бывшая, слышал я, депутат.

Да не депутат она. Сколько тебе можно говорить?! Начальник Управления она.

Ну, да. Старик, послушай стихи.

И Грунько прочитал несколько своих стихотворений.

Ну, как? – спросил он своего слушателя.

Хорошо, – уважительно ответил Виталий.

И ещё, за что Виталий уважал поэта Грунько – за то, что тот, с полным участием своей души, мог прочесть наизусть стихи многих и многих русских поэтов. Уважал, и завидовал этому его таланту.

Извини, Саня, но мне надо идти, – с некоторым неудобством проговорил Виталий.

И они распрощались.

Потом, Виталий вышел к «старому базару», повернулся в сторону Собора Рождества Пресвятой Богородицы, помолился Ей, взирая на позолоченный купол с крестом; сел в другую маршрутку и поехал на «Западный». Но тут же, сразу за мостом через железную дорогу, попал в пробку – клали новый асфальт, улучшали дорогу. Движение остановилось от памятника стачки рабочих железнодорожных мастерских «1902 года» и до стадиона «Локомотив»! Тут он проклял всё: и этот дурацкий памятник, перед глазами; и себя, что решился на эту поездку; и этих добродетелей, что прокладывали новую дорогу, видимо, экономя на «ночных»! – Хорошо же они считать научились – «на говне – сливки собирают»! В час пик-то! И солнце, как назло, разошлось – припекает фундаментально. Он повернулся к заднему стеклу – за ними стоял авто хвост, которому не было конца! – А вот, интересно, выдержит ли этот мост такую массу машин, ставших на нём одновременно и на долго? Мост-то, по-моему, тоже аварийный. Рухнет мост, а под ним, вон – два состава стали, с нефтью. А тут вот и две заправочных: «ЮКОС» – с одной стороны дороги, и – с другой стороны. Три вокзала. А вон и стратегический железнодорожный мост через Дон, связывающий север и юг России. Да-а, в копеечку им вылетит такой ремонт. Не говоря уж о людских жертвах. Какой ужас!!

Ничего такого! не случилось. Но нервы были потрёпаны в очередной раз, очередным, казалось бы, банальным, случаем. Он открыл двери и вошёл в тихую безлюдную Ларисыну квартиру. Открыл настежь кухонное окно и балконную дверь. Разделся, вышел на балкон – ему тут было хорошо: большие тополя, берёзка внизу, кусты сирени, ещё какие-то деревья; а в воздухе ощущалась близость реки. На этом балконе – он был как на даче. Сюда он брал с собой нужную ему книжку. Здесь он перечитывал Историю запорожских казаков, Древнерусскую литературу, Карамзина и Соловьёва и ещё много чего. А когда темнело, он любил посидеть здесь – поразмышлять, до самой глубокой ночи. И просыпаясь ночью, он выходил сюда, наблюдал звёзды, засматривался на вышедшую из-за горизонта домов и деревьев, и быстро проходящую мимо – яркую Венеру. И так – до самой зимы.

Потом пришла с работы Лариса, загоревшая и обрадованная тому, что увидела открытые двери балкона и окна – значит, он пришёл! Она была пышной и, в принципе, очень жизнерадостной женщиной. Но за последние несколько лет – её подкосила – нет, не болезнь, а атмо-

сфера теперешней школьной жизни. Она отдала школе всю жизнь. Он помнит её влюблённой в своё дело, помнит – с каким энтузиазмом она рассказывала об

обустройстве кабинета химии или о подготовке школьного Праздничного вечера. Об этом говорили и её сияющие глаза. Но теперь, в этих глазах поселилась печаль и боль, не говоря уже о разговорах и рассказах: о кипах ненужных бумаг, в которых потонуло всё!, об отчётах, и проверках, заседаниях и совещаниях. И когда она ему «плакалась в жилетку», то он, сравнивая её, в первые после перестроечные годы, с теперешней, говорил: «не долго музыка играла – не долго фраер танцевал».

Но к этому «горю», прибавилось ещё одно, о чём она сейчас ему и поведала: «операция антитеррор» – школу проверяли милиционеры с собакой, и что надо теперь готовить отчёты по безопасности школы, и о принятых мерах и т. д. и т. п.

И всё ничего бы, всё понятно. Но он-то понимал, с горечью понимал – на чём зиждутся эти отчёты – не на действительной БЕЗОПАСНОСТИ, а на самом ОТЧЁТЕ! – почувствуйте разницу. Но в нашем театре – идёт такая постановка.

Потом она включила свой продвинутый телевизор, с плоским экраном и сочным цветом – хорошо, что снова «дают» в кредит. Из новостей он узнал, что в авиакатастрофе погибло не 89 человек, а 90, и что это был всё-таки – теракт, но расшифровать «чёрные ящики», найденные в целости, не представляется возможным. К нему вновь вернулось – то болезненное беспокойство и приторный привкус, который он запомнил на всю жизнь, с тех пор, когда он в пятилетнем возрасте лежал на операционном столе, под общим наркозом и сквозь приглушённую боль, и этот запах, ставший привкусом, видел одну и ту же картину: в бездне чёрного мрака – мчащийся белый мотоцикл, с белой люлькой, и он, сидящий в этой люльке, и тоже – белый, как негатив.

Затем, по телевизору, как обычно, пошли сплошные боевики и «менты», чего ни она, ни он не смотрели. Но у неё была целая видеотека из старых добрых фильмов, она и «уходила» в них: «Свадьба с приданным», «Солдат Иван Бровкин», «Есения» и т. д. и т. п. Она на них выплакивалась, высмеивалась, и ей было хорошо. А он, всё выходил на балкон и всё курил. Он, когда-то тоже любивший эти фильмы, до слёз и до покатывания со смеху – теперь, был холоден к ним душой, а иногда и раздражён – по отношению к ним.

На следующий день он вернулся домой. Мать с порога сообщила, что приходил Жорик, посмотреть телефон. И что она не успела и глазом моргнуть, как он куда-то там дотронулся и телефон заработал.

Виталий снял трубку – правда, телефон работал. И вдруг, во всём теле Виталия заиграл зуд нетерпения. Он, тут же, снова обулся, крикнув, матери: «Я сейчас вернусь»! И вышел вон.

Он примчался в магазин «ААА», купил карту для выхода в Интернет, заплатил за возврат своего почтового ящика «wellis» и тут же отправился обратно домой.

Приехав, домой, он, как обычно, переоделся. Выпил чашку чая, у раскрытого окна. Покурил. Он настраивался. Он решил выйти в Интернет. Но что он будет делать дальше – он решительно не знал: «Что делать? Зайти на Чат „Эхо Москвы“? Или есть для этого более подходящие Чаты»? Он не знал. Он не был к этому готов. Он даже не знал – как и о чем, он будет общаться?!

Виталий вошёл в свою комнату, снял трубку телефона, послушал – работает. Разобрал стол. Помолясь, включил компьютер. Включил модем. Достал приобретённую карту. Осторожно – ноготком указательного пальца – соскоблил плёнку, закрывавшую пароль. Щёлкнул по значку телефона, на рабочем столе. Занёс пароль и всё остальное в открывшееся окно, щёлкнул – соединение. Затрещал модем, зазвонил телефон. Через минуту открылся доступ в Интернет. И тут, он осознал, от чего был тот зуд. Этой ночью ему приснился «Благовест»: небо, на небе люди в белом, как облака, и большой колокол, звонящий «благовест». Виталий решил проверить свою почту, подумав – может быть, прибыл, откуда-то, ответ на его прежние

Проекты. И он щёлкнул: «доставить». И оно доставило! Сразу десять сообщений, но все они были под одним именем: «EJENY». И от этого имени Виталию стало страшно! Письма были с вложением. Он долго сомневался.

Он пытался проверить их предысторию. И проверил, на свою голову. Там, среди прочего, был адрес: «tretiakov. ru» – это был электронный адрес Третьяковской галереи, куда он, Виталий, когда-то посылал письмо, с деловым предложением. И рука его дрогнула, и он открыл роковое послание! В нём, конечно же, ничего не было, и Виталий понял, что это – вирус. Какой силы и коварства этот вирус – он знать не мог, но интуитивно чувствовал, что он здорово попал. Он загрузил антивирус «Касперского», и тут началось! Нет,

«Касперский» начал проверку дисков и файлов, но происходило что-то необъяснимое. Что именно – он не мог бы объяснить никому, но он чувствовал, что происходило – неладное. Как выяснилось чуть позже – так оно и было. Этот злополучный вирус оседлал антивирус «Касперского» и сделал последнего своим помощником и разносчиком заразы по файлам и папкам. Но нет бы, Виталию срочно перенести, что только можно на дискеты и диски,

то есть, спасти уже произведённое на компьютере, в том числе и файл «ДИТЯ»! Но не тут-то было. Он зло и страстно возжелал уничтожить этот сучий вирус – здесь и сейчас, немедленно! Он решил выйти в Интернет, чтобы обновить антивирус «Касперского». Затрещал модем, затренькал телефон, он вышел в Интернет, но антивирус отказывался обновляться! С компьютером происходило что-то невероятное – стрелка наведения мышки прыгала, как бешеная, связь с Интернетом обрывалась. Снова трещал модем и тренькал телефон, Виталий снова входил в Глобальную сеть, но связь снова и снова обрывалась! Тогда он решил набрать адрес «Касперского», в «свойствах обозревателя», и выйти в Интернет. Он щёлкнул по кнопке «пуск», «настройка», «панель управления». Но «панели управления» уже не было. Её уже не существовало – открылось пустое окно! Этот вирус знал, что надо делать в первую очередь. Он съел «панель управления» – уничтожил её. Виталий завёлся. Он достал с полки диск с различными антивирусами и стал один за другим загружать их в компьютер. Многие из них говорили о наличии хитрого вируса, который маскируется под уже существующие родные файлы данного компьютера. Но удалить его или исправить они отказывались и, в конце концов, выходили из строя. В компьютере творилось страшное – шла борьба не на жизнь, а на смерть. И когда Виталий поставил на компьютер антивирус, удаляющий, непонятных для него «троянов» – там произошёл, казалось, маленький взрыв, и экран монитора стал чёрным. Всё кончилось. Доступа в компьютер не было никакого! Виталий посидел, посидел ошеломлённый. И выключил компьютер.

Он закурил, вышел на кухню, глянул на небо, в раскрытое окно. Небо снова хмурилось. И даже погромыхивал гром – где-то за Доном.

Ему было ясно, что полетел винчестер. Единственной надеждой на реанимацию погибшего – был Вася. Может он сделает невозможное, и вернёт к жизни жёсткий диск – спасёт уже сделанное и написанное. Говорят же, что он делает чудеса. Надо звонить Васе. Гром раскатился уже совсем близко. Виталий пошёл в свою комнату, нашёл в записной книжке длиннющий номер Васиного мобильного. Снял трубку, набрал номер.

Да, я слушаю, – быстро проговорил в трубке Васин голос.

Здравствуйте, Василий, – неуверенно заговорил Виталий, не зная, как к нему лучше обращаться: на «ты» или на «вы», – это Виталий, от Бардина.

А-а. Перезвоните мне на мой рабочий телефон.

Минуту, а какой твой рабочий телефон?

Тот назвал шестизначный номер и выключил свой мобильник. Виталий быстро записал названный номер, чтобы не забыть его тут же. «Это экономный народ» – подумал он о Васином поступке. И набрал записанный номер.

Слушаю.

Вася, это опять я.

Да, да.

Вася, выручай.

А что случилось?

Полетел винчестер.

Почему полетел?

Вирус попал – жуткий. Наверно надо новый ставить, да? Я куплю, тогда позвоню.

Зачем новый? Надо посмотреть.

Да? А когда тебя ждать?

Так, сегодня я уже не смогу. Завтра. Как обычно – после шести.

И положил трубку. Вася был смуглый брюнет, с шикарными длинными волосами, зачёсанными назад и собранными на спине, у лопаток. Да, да. Он был, замкнут, предельно сосредоточен и внутренне динамичен. Он был дока в компьютерных делах. Но, как успел понять Виталий, серьёзного спроса в этом городе не имел. Но имел семью, работал и

заочно учился в каком-то институте, на какую-то ненужную ему профессию, но нужную ему «корочку». Да – вся надежда была на Васю.

Но Вася не пришёл ни завтра, ни послезавтра, ни в понедельник, ни во вторник. А пришёл он, аж через неделю – в пятницу 3-го сентября.

Во всё это время, до прихода Василия, Виталий измаялся вконец! Он ждал его каждый вечер, разобрав стол и приготовив компьютер для проверки. Сам включал компьютер, надеясь на чудо, но чуда не происходило. В субботу, правда, Вася сообщил, что в воскресенье он придти не может – сидит с ребёнком, но в понедельник обещался быть. В субботу вечером Виталий поехал к Ларисе, но места там себе не находил. Лишь узнал там, в недельных новостях по REN TV, о кое-каких подробностях в деле двух

самолётов, что там и там обнаружены следы пластида, и что – там и там есть по одной женщине, за которыми не обратились родственники, и которых некому было опознать. А

в Ростове расклеили везде, где только можно, фото роботы двух разыскиваемых женщин. В понедельник Виталий вернулся домой, и всё началось сначала – с ожиданиями. Во

вторник, у матери в комнате, он смотрел теле новости о взрыве в Москве, где женщина-смертница взорвала себя и всех окружающих, у станции метро «Рижское». В среду 1-го сентября – весь день и вечер провёл у того же телевизора, наблюдая ужас захвата школы

в Беслане. Опять был террор. Опять была неразбериха и опять было враньё. На следующий день было то же самое – на весь день и вечер. Потом была жуткая гибель детей, среди всей этой неразберихи. И выяснилось, что заложников было не 300 человек, как сообщалось ранее, а 1 200! «Неужели – это ОН??» – стучало в висках Виталия.

Вечером 3-го пришёл Василий. Включил компьютер и начал «колдовать». Колдовал он до глубокой ночи. Колдовал молча и сосредоточено. Лишь в самом начале он задал Виталию вопрос:

Так, расскажите, что за вирус?

Виталий рассказал всё – от раскрытия письма, до невероятной борьбы и гибели винчестера.

Василий выслушал его рассказ и произнёс своё краткое резюме:

Не знаю таких вирусов

И лишь в конце, когда он вернул к жизни винчестер и спас всё, что было записано на нём, весь измученный – он сказал:

Странный у вас компьютер.

И быстро собравшись, ушёл.

Он ушёл, а Виталий, который всё это время был в диком молчаливом напряжении – от переживания за «удачу безнадёжного дела» и от событий в Беслане, которые он наблюдал,

время от времени, заглядывая к матери «на телевизор», уже не мог оценить и осознать радость первого события. А тем более – не мог сидеть за компьютером. Он выключил его. Выключил, собрал стол и, раздевшись, лёг в постель.

На следующий день была суббота, и он был этому рад. Он собрался ехать к Ларисе. Положил в сумку книгу «Домострой», рассуждая: «Почитаю. Отвлекусь». И, даже не притронувшись к компьютеру, вышел вон из квартиры.

Погода была солнечной, и он был, в общем-то, в хорошем настроении. Прошёлся по городу – посмотрел на жизнь вокруг, на людей, вдохнул осеннего воздуха, встретил Грунько, поделившись с ним десятью рублями и сигаретами, и приехал к Ларисе. Та замечательно его приняла. И пока он читал на балконе, она приготовила его любимое блюдо – кусочки жареного мяса в жареной картошке, салат из свежих помидоров и огурцов с лучком. Достала из холодильника, заранее изжаренную икру из синеньких, и графинчик с водкой, для себя. Накрыла стол, как всегда, в зале – перед телевизором. А он ожидал недельных новостей на REN TV, с Марианной Максимовской, и как раз – они уже начались, и всё его внимание было там. Лариса пригласила его за стол. Они сели. А на экране телевизора заканчивался обзор репортажей о взрыве в Москве, и пошли кадры из Беслана, с бегающими в смертельной панике, мужчинами и женщинами, с детьми на руках. И она, как было уже не раз, возмущённо воскликнула:

Что ты включил?!

Как, что – новости.

Переключи сейчас же! Там должен быть концерт!

Но дай же мне посмотреть хоть у тебя нормальные новости. У нас этот канал не показывает.

А мне надоели эти новости! Насточертело всё это – и на работе, и дома – одно и то же! – Она вскочила с места, схватила пульт и стала переключать каналы.

Никаких концертов уже конечно не было. Был сплошной траур. Шли Советские фильмы про войну и героизм Советского народа.

Вот тут не выдержали и его нервы:

А меня достали ваши дурацкие концерты! Отконцертились! Вон – смотри свои сов деповские фильмы! Соскучились?! Смотрите!

Не смей на меня орать! Много вас таких! Приготовь, подай,.. да ещё оно же, в моей собственной квартире будет командовать – что мне смотреть!

Конечно, ты же у нас член «Правящей партии»!

Я посмотрела бы – куда бы ты делся, если бы был Завучем школы! Много вас – таких умников!

И тогда он послал её на известное всем слово!! И она вконец рассердилась, и сказала, чтобы он шёл вон! И добавила, когда он оделся, как солдат по тревоге, и уже был в прихожей:

Ключи оставь!

Он бросил ключи на полку у зеркала, открыл двери и вышел вон!

В маршрутном такси Виталий ехал один, не считая водителя, но он этого не замечал. Его всего колотило, а в груди kloкотало «Всё правильно. Всё правильно» – успокаивал он себя. «Всё так и должно было быть. Это должно было произойти. Сколько ж можно играть в поддавки. Ничего. Ничего. Какое сегодня сентября? Ха, ровно тринадцать лет назад – я так же бежал из другой квартиры – из родной. Тогда, казалось, что роднее того дома и нет больше ничего на свете. Вот то были переживания! А это что, это так – семечки».

И действительно, он сравнительно быстро успокоился, в принципе. И стал размышлять по этому поводу более философскими категориями: «Тогда, тринадцать лет назад – был канун крушения Советского Союза. Интересно, а сейчас канун, какого крушения? Или канун – чего?»

И он вспомнил о своём реанимированном компьютере, а главное – о возвращённом к жизни, файле «ДИТЯ».

6. История файла «ДИТЯ»

Виталий подошёл к своему дому, когда начинало смеркаться. Отомкнув входную дверь, и открыв её, он тут же наткнулся на мать, как будто она специально крутилась у порога, зная, что он вот-вот вернётся.

Тю! Ты, что ли? Господи Сусе! Уже вернулся? Что ж такое? Поругались, что ли?

Что ли, – подтвердил он, стараясь держать себя в руках, и не разругаться ещё и с нею.

А потому, он быстро снял туфли, надел чуваки, юркнул в свою комнату и даже закрыл дверь за собой. Здесь, он так же быстро переоделся, разобрал стол, зашторил окно, зажёл свечу, включил компьютер, и припал к нему, открыв файл «ДИТЯ», и найдя в нём то место, где остановился он уже больше недели назад.

@ @ @

«Мессир промолчал и широко зашагал, изящно переставляя свою трость и стуча каблуками туфель по асфальтово-булыжной мостовой, ведущей к Дону. Голицын пожал плечами, глянул на непривычно-голубое небо, и последовал за своим непредсказуемым гостем. А дорога под их ногами становилась всё непотребней и непотребней: рытвины, ухабы, ямы и грязь.

Какой ужас! – не выдержал Голицын, – что с дорогой, что здесь вообще происходит: дорога раздолбана, какие-то заросли, брошенная постройка с зияющими пустотой окнами, гниль! Я знал этот переулочек, он не был таким. Что это за бардак?!

Это вы у меня спрашиваете? Интересная постановка вопроса. Это я должен у вас спросить, дорогой старожил, что за бардак?

Да, но зачем надо было идти именно этим! переулочком?

Видимо, так решил боцман.

Какой ещё – боцман?!

Да, Пётр Григорьевич, кажется, вы были всё же правы, – сказал Мессир, остановив свой ход, – здесь тупик.

Как тупик? Здесь же был путь к причалу. Да вон же он! Вон, я его вижу – старый причал, синим домиком!

А причал общий, общественный?

Был общественный. А может, его приватизировала вот эта контора, – он указал на явно новое здание, стоящее прямо перед ними, и окружённое забором с воротами на замке, – раньше её здесь не было. Я точно помню, хоть это и давно было.

Справа от них тоже было какое-то производство с охранником у ворот. Спутники замешкались.

Неужели Седой подвёл? – проговорил Мессир, глядя вдаль.

Это вы про кота? Ха! Да он ещё и не на такую гадость способен! На его же морде написано...

И тут, в узком месте забора, между прутьями, появилась морда кота, обычных размеров, но с теми же белыми пятнами у носа. Кот, просто, но, как показалось Голицыну, очень громко мяукнул.

Идёмте, – делово произнёс Мессир, – нам туда.

Голицын обернулся на охранника за воротами соседней конторы – тот не шелохнулся, и не обратил на них никакого внимания

И они полезли через забор. А точнее, через перекрёсток двух или даже трёх заборов! Голицын был возмущён:

Это какой-то ужас! Гадский кот! Что он себе позволяет!

Ничего, ничего, – успокаивал его Мессир, – делайте как я, видите как всё легко и просто.

Ха! Это у вас всё так просто. Вы бы могли вообще не мучиться, – с укоризной заметил Голицын, – взлетели бы и перемахнули этот плёвый забор, чего вы стесняетесь?!

Дорогой мой друг, – с теплотой в голосе отозвался ТОТ на заманчивое предложение, уже стоя на земле, и сдувая с себя пылинки, – я не позволяю себе пугать людей, вот так – воочию. Я их жалею.

Каких людей? Здесь же никого нет, – спустившись на землю, с насмешкой сказал Голицын.

Простите, а вы – не люди? – с такой же насмешкой спросил ТОТ, в свою очередь.

Ну, насчёт меня, кстати, мы ещё поговорим.

Вы имеете в виду – ночной балкон? – расхохотался Мессир, – но я вас просто потерял из виду! Долго искал. А, найдя, подмигнул вам, на радостях! – ещё пуще расхохотался ОН, обрадовавшись своему простецкому объяснению.

Под шалыпинский хохот Мессира, они вышли к причалу и тут, Голицын увидел шикарную белую яхту с мачтами, на фоне голубого вечернего неба, и сверкающего золотом Дона. От этого вида у Голицына захватило дух.

Мессир заметил это, и, сделав широкий жест, сказал: «Прошу»! Он указал рукой на длинный белоснежный трап, ведущий на яхту, уже готовую принять своих пассажиров.

Голицын огляделся. Ни на яхте, ни вокруг – никого не было видно. Он осторожно ступил на трап, потом пошёл смелее и даже слегка покачался на его середине, и перешёл с него на лестницу яхты. То же самое проделал Мессир, и сказал:

Ну, смелее ступайте на корабль, дружище. Вам надо принять душ, после всей этой беготни и лазания по заборами. Спуститесь в трюм, слева дверь в душ, там всё приготовлено.

Да, здесь вы правы – я бы, действительно, освежился.

И Голицын спустился в душ. Душ был уютен и так же бел, как и сама яхта. Всё было очень удобно и мило. Он разделся в отдельной комнате, настроил душ, и его тело приятно защищали многочисленные струйки тёплой воды. Достаточно омочив тело, он распечатал,

лежащий на полке пакет и достал оттуда голубую мягкую губку, а из другого пакета – розовое полукруглое мыло. Оно так легко намыливалось, давало такую обильную пену и

так! благоухало, что он заинтересовался, и стал рассматривать его. На нём, красивыми буквами было выдавлено слово «EJENY»»

@ @ @

Виталий отпрянул от компьютера. Закурил «Приму». Сделал несколько глубоких затяжек. Встал, потянулся к телефону, снял трубку, послушал – гудок был нормальный. «Работает» – сказал он вслух самому себе. Положил трубку, сел на место, и продолжил чтение.

@ @ @

«Приняв душ, и одевшись, Голицын поднялся на палубу, и почувствовал себя, как вновь на свет народившийся. Побагровевший диск солнца готовый уже уйти за горизонт, возвышавшегося на холме города, светил ему прямо в глаза.

С лёгким паром, маэстро, как у вас говорят, – раздался голос Мессира.

Спасибо, – откликнулся Голицын и обернулся.

Перед ним стоял мужчина, всё в тех же зеркальных очках, но одет он был в чёрный, с позолоченной отделкой, китель, под которым была кипельно белая сорочка с чёрным галстуком, кремовые брюки, из парашютного шёлка, ниспадавшие на белые парусиновые туфли. А на голове его возвышалась фуражка флотского офицера с «крабом» и белым верхом.

Голицын испытал лёгкий шок. Сейчас они оба светились прозрачно-розовым светом и казались нереальны.

Пройдёмте на нос корабля – я представлю вам команду. Здесь большое солнце, а там есть тень. Да и уютней там у нас – по-семейному.

Они прошли вдоль правого борта к носу, и здесь Голицын увидел крупного старика в белоснежной сорочке, с короткими широкими рукавами и чёрных брюках, в сандалиях на босу ногу, без головного убора и с короткой причёской «под бокс». Он стоял под самой рулевой рубкой, как по команде «смирно».

Боцман Дуля, – указал на него Мессир, – прошу любить и жаловать. Он же – лоцман, он же – кок, он же – рулевой нашего корабля.

Штурвальный, – поправил его боцман, произнося вместо «ш» звук «щ» – «щтурваль-ный», и поклонился лёгким кивком головы.

Его оголённая часть рук и пальцы на них были сплошь в татуировках. А когда Голицын повнимательней глянул на его лицо, то, с изумлением, заметил, что на месте глаз у него,

из впадин глазниц, выдаются две натурально скрученные дули, где вместо подушечек больших пальцев – моргают собственно глаза. Под ними широкий утиный нос и такие же губы, практически закрывающие собой, маленький подбородок. Бровей над его глазами, толи не было, толи они были выжжены. И всё лицо было, как побито оспой и изрыто глубокими извилистыми морщинами. Ещё он, что есть силы, пытался втянуть в себя живот, но тот, всё же, был прилично выпуклым. На его левой руке полностью была видна наколка: «не забуду мать родную». А на правой: «за Родину – за Сталина». Причём, последний слог «на» переходил уже на кисть руки.

И кот, – указал Мессир на возлежащего, и жмурящегося от лучей заходящего солнца, обычного, уже знакомого, кота.

И наш капитан, – неожиданно сказал боцман хриплым, но звучным голосом, указывая глазами-дулями на Мессира.

По местам, – скомандовал капитан.

Кот моментально юркнул вдоль левого борта. Дуля же – стал за штурвал и подал команду через раздвинутые окошки рубки: «Отдать концы!»

Трап давно уж был убран. А кот лишь сбросил лапой кольцо каната с причальной тумбы – на борт, и тут заправил его, как положено. Машина беззвучно заработала, и яхта

потихоньку начала отчаливать. И в этой рабочей тишине, Голицын с улыбкой вспомнил наши перевозные катера, с мотором и капотом от трактора ГТС, под окошком

штурвального: там стоял такой грохот машины, что услышать, склонившегося к самому уху собеседника, было невозможно, а сам катер трясло так, что в ушах щекотало. Вот, на

этот городской пляж, что сейчас был от них справа по борту, и вдавался в Дон своим длиннющим причалом – на этот пляж, в те времена, и перевозил их тот самый «трактор».

А, собственно, мы – куда? – опомнился вдруг Голицын.

Ответил боцман, руливший яхту, – А вот сейчас мы обогнём Зелёный остров и подойдём к одному тихому неприметному местечку.

При упоминании Зелёного острова у Голицына защемило в груди. Он подошёл поближе к борту и увидел ту самую, утопающую в зелени, косу острова, где когда-то, пацаном, он со своими дворовыми ровесниками и своим дядькой Толей, и Лёнькой-«лысым», вот так же огибали эту косу, сидя всем гуртом в деревянной вёсельной лодке.

О чём-то вспомнили, – услышал он голос Мессира.

Да, – охотно отозвался Голицын, – именно вот здесь – напротив Порта, когда-то давно, мы с друзьями огибали Зелёный остров, чтобы из нового Дона перейти в старый Дон.

Это не просто Порт, – вмещался боцман, – это – Порт пяти морей!

Ну, да, – согласился Голицын, и продолжил, – Старшим среди нас был мой дядька Толя, который вообще был большим авторитетом в нашем дворе и умницей, как о нём отзывались,

он уже тогда работал ведущим инженером ГСКБ завода «Красный Аксай» и был строг и раздражителен, не по своим ещё молодым летам.

Так вот, он меня назначил вперёд смотрящим, а они во множестве рук гребли вёслами и все сидели по ходу – спиной. А я прилёт в лодке и о чём-то задумался, глядя в бескрайнее небо. Но когда я приподнял голову и увидел прямо перед собой нос большого прогулочного катера, и заорал, что было мочи: «Аврал!», но было уже поздно. Не знаю – каким образом наша лодка осталась на плаву и не перевернулась, но меня команда лодки, во главе с моим дядькой, чуть не убила – так они орали на меня. А вот здесь... Боцман, убавьте, пожалуйста, ход, – выкрикнул он свою просьбу, чуть не залезая верхом уже на другой борт; и рулевой

исполнил его просьбу. – Вот здесь, когда мы с Витькой Сосовым, защищавшим меня от лая остальной команды, сошли с лодки и перешли в накаченную им камеру

от МАЗа... здесь была комедия! перемешанная с драмой. Мы взобрались на эту чёрную огромную, по тем временам, камеру, Витька всучил мне какую-то деревяшку и такую же оставил себе, этими деревяшками мы стали

гребти и догребли вот до этого места – как раз напротив косы, став на глубине. Мало того: с нами на круге был огромный камень, перевязанный верёвкой. Этот камень, Витька привязал другим концом верёвки к камере и бросил его в воду, вместо якоря. Нас дёрнуло так, что мы едва усидели, уцепившись в камеру, уходящую одной стороной под воду. Но Витька, как дока в своём деле, быстро отвязал верёвку, и, держа её в руках, что надо было бы сделать с самого начала, стал попускать её, и мы выровнялись. Но это только начало. Я-то ловил на удочку. А он был без ничего. Вся его хитрая снасть находилась у него за пазухой – в рубашке, заправленной в чёрные сатиновые трусы. И теперь, он извлёк её оттуда. Это был ворох коротких капроновых поводков и такой же ворох крючков «троечка». Достав всё это и разложив у себя на коленях, он подморгнул мне правым глазом и сказал, кривя улыбку: «Сейчас вся рыба будет наша. А они пусть там дротуются» – имея в виду оставшихся в лодке. Вязал он эти крючки – часа два! Ну, шутка ли – триста крючков! Он весь измучился. Пот с него тёк градом. Солнце уже было в зените и палило нещадно. Я, за это время, на удочку, наловил целый кукан себеля, ласкиря и таранки. Наконец, он закончил свою изнурительную работу, облегчённо вздохнул и сказал, держа всю эту связку крючков над водой: «Ну, ловись рыбка большая и маленькая» – и отпустил свой двухчасовой труд. Связка плюхнулась и ушла на дно. Счастливый Витька вытащил из-за пазухи измятую пачку «Донских» сигарет, за шесть копеек, и закурил, довольный собою. Я долго смотрел, то на него, то на то место на воде, куда он опустил свою снасть, недоумевая, но и боясь спросить, чтобы не прослыть незнайкой в рыбацком деле. Но потом, всё же не выдержал и спросил: «Ну, предположим, рыба там поймается, а как ты эту снасть вытаскивать будешь?» «Кого, перемёт, что ли?» Я тогда ещё не знал такого слова и такой снасти, но уверенно подтвердил: «Да – перемёт». Повисла тревожная пауза. Витька медленно, одной головой, обвёл круг камеры и так же медленно сказал: «Я же его к борту не привязал». Я покатился со смеху! Я смеялся до икотки, верите?!

Артисты! Перемёт! – выпаливал боцман сквозь смех.

Он хохотал протяжным сиплым смехом, – ах-х, ха-ха, хи-хи! Ах-х, ха-ха, хи-хи! – а потом он страшно закашлялся, утирая крупными пальцами рук, слёзы со своих дуль-глаз.

Боцман, где это ваше «тихое местечко?», – спросил его Мессир.

Боцман стих. – А вот – сейчас причаливаем.

Наступили сумерки. То самое время, когда можно спутать утро с вечером, и которое с такой любовью описал Шукшин в своём романе о Степане Разине, назвав это – прилётом на землю «синей птицы». Небо над головами яхтенной команды ещё светилось темно-синим цветом, но на востоке Дон уже погружался во мрак.

Яхта неслышно коснулась небольшого железного причала у левого берега Дона. Но команда тут же поняла, что место это не такое уж и тихое, как обещал боцман. С берега

доносились ритмичные удары барабана и бас гитары, слышался гвалт людских голосов. Видимо это был причал какой-то базы отдыха. Там светили фонари на столбах, а в ближнем к причалу помещении, с большими окнами, ярко горел свет.

А вы шутник, боцман, – не шутя, произнёс капитан.

Так, сухопутная агентура давала сведения, – по-ребячески виновато ответил боцман.

«Агентура», уже сидела на краю причала, робкая как мышка, отсвечивая блымающими глазками.

Как говорил наш общий знакомый: «Доверяй, но проверяй». Стали забывать учение классика, – с тихим укором сказал капитан, в упор, глядя в блымающие и всё так же отсвечивающие глаза маленького котика, сидевшего на краю причала.

Нам всё равно не сюда! – протяжно, противно и вызывающе развязно проорал кот.

А куда же нам, любезный? – вежливо спросил капитан.

Пойдём – покажу! – и кот, сидевший до этого на задних лапах, встал на все четыре, готовый указывать путь, заблудшим в ночи.

А с берега, в это время, донеслось дружное: «Го-о-орько!»

Так, это свадьба, – весело успокаивающе воскликнул боцман.

Боцман, займитесь предписанным вам заданием. А мы пойдём ужинать, – восстановил деловую атмосферу капитан.

Слушаю, кэп.

А Голицын, опьяневший от воздуха Дона вольного, и так давно не дышавший этим воздухом, стоял теперь на этой белой шикарной яхте с мачтами, и с мечтами в голове своей, и ничего не понимал. Да и не хотел понимать, что происходит вокруг него в реальности или не в реальности, а чисто виртуально – а, всё равно! Всё к чёрту!

Пойдёмте, маэстро. Нам пора ужином заняться.

Займёмся, – по-дурацки блаженно улыбаясь, вторил Мессире Голицын, – а куда пойдём?

А вот, котик нам дорогу укажет, он у нас Иваном Сусаниным работает. За что получит хороший гонорар, в своё время.

И Мессир с Голицыным ступили на ржавый причал.

– Веди, Сусанин, – обратился Мессир к коту

И кот молча пошёл впереди.

Территория, к которой они пристали, действительно была чьей-то базой отдыха. База эта была небольшая, скромная, с маленькими домиками. Сравнительно большим было помещение, где сейчас шумела свадьба. Видимо, это была столовая. Идущие за котом беспрепятственно прошли мимо свадебной столовой, с курящими возле неё мужиками; мимо маленьких домиков, стоящих по сторонам дорожки; вышли через распахнутые ворота, за которыми, кот повернул налево.

Густая темень заполнила собой весь этот утопающий в зелени задонский край. Южный летний вечер начинал править свой бал. Всё вокруг стало чёрным и трудно различимым. Но что было различимым в этой тьме, так это запахи шашлычного дыма, уксуса и самого шашлыка. Эти запахи витали здесь повсюду, то, отдаляясь, то, приближаясь вновь. И только лишь где светил столбовой фонарь или парадный вход с окошками, какого-нибудь ресторанчика или кафе, можно было разглядеть кусок асфальтовой дороги, участок дорожки или тёмную зелень листьев на деревьях и кустах.

По одной из таких вот дорожек, на которую редкими фрагментами падали тусклые лучики света, шагали, в след невидимому чёрному коту – капитан и пассажир его яхты.

А где же боцман, почему он не с нами? – поинтересовался пассажир.

Боцман живёт по своему служебному предписанию, – по канцелярски холодно ответил капитан.

А какое у него предписание? – не отставал пассажир.

Ну,.. сейчас, например, он пополняет запасы провианта.

А где он здесь пополнит запасы провианта? – забеспокоился о боцмане пассажир.

Ну, не именно – здесь. Он – знает места. В его распоряжении яхта – мотнётся, и скоро обернётся. Вам не надо об этом беспокоиться.

А куда мы идём?

Ужинать.

Это я знаю, а куда именно?

А вон – ваш Сусанин ведёт. Эй, Сусанин, – окликнул ОН кота, но тот никак не отозвался, – Седой, ты не на край света собрался?

Уже пришли, – недовольно мурлыкнул кот. Видимо, по его служебному предписанию, ему не улыбалось счастье покейфовать по-человечески – за столом ресторана.

Так и есть. Капитан приказал ему сидеть здесь – у невысокой ограды, и никуда не рыпаться.

Они вошли в небольшой ресторанчик, встреченные у входа предупредительным, но уже немолодым швейцаром. В ресторане играла музыка, звучала песня. Вошедшие – прошли в зал и остановились на его середине. Капитан окинул зал сквозь зеркальные стёкла своих золотых очков.

А почему нет метрдотеля? Экономят на моём комфорте? – придиричиво капризничая, спросил ОН не известно у кого.

Куда вы меня привели, капитан? – заволновался Голицын, – здесь, наверно, такие цены!..

Какие цены – у них даже нет метрдотеля!

На этих словах Мессира, песня кончилась, стало тихо и слово «метрдотеля» гухнуло, как эхо в горах. Перед ними вырос юноша с белой салфеткой через левую руку, услужливо согнутую в локте.

Я вас слушаю, – вежливо произнёс юноша.

Вы кто? – спросил Мессир так, будто, тот вошёл в его дом непрошеным гостем.

Я официант, – пояснил тот.

А почему гостей не встречают?

Вот – встречаю. Вы желаете поужинать?

Угадали.

Прошу. Вот, за этим столиком вам будет удобно.

Да, – сказал Мессир, – за этим столиком нам действительно будет удобно. Спасибо.

Они подошли к указанному столику, который был несколько в отдалении от эстрадной площадки и, как бы, даже в тени. Мессир, изящным и верным движением руки, повесил свою трость на фигурную спинку стула, и спутники сели за столик – друг против друга. Официант предложил им ознакомиться с меню и удалился.

Выбирайте блюда, – ударив на последний слог, сказал, улыбнувшись, Мессир и подал меню Голицыну, в раскрытом виде.

Тот взялся за меню и вдруг почувствовал, что глянцевая бумага нагрелась теплом в одно мгновение, чёрные буквы, при этом, загорелись рубиновым цветом, а белая бумага стала глянцево-чёрной. Мессир убрал улыбку со своего лица, и убрал свою руку с меню. Бумага остыла, но осталась такой, какой её сделал ОН. Причём, буквы продолжали играть живым рубиновым огнём

Голицын некоторое время смотрел в меню, а потом, отбросив его на середину стола, нервно сказал:

Да ну, что вы! Я в этом уже ничего не смыслю. И этих цен не понимаю.

Мессир взял меню и молча начал с ним знакомиться. А Голицын оглядывал зал ресторана. В первую очередь он присмотрелся к тем, которые бросились ему в глаза сразу, как только

он вошёл сюда. Это была та самая «братва», которую он больше знал по фильмам и телесериалам, которые он тоже почти не смотрел, так – вскользь. Их сидело за столом – шесть человек и все в чёрном. «Это, наверно, их блескучий чёрный джип стоит у ресторана» – подумал он. Потом он перевёл взгляд туда, где сидели за столиком – пять человек и среди них та, которая тоже бросилась ему в глаза, но чуть позже. Состав этой компании показался ему несколько странным: сидели две явно супружеские пары, а среди

них – она – белокурая, с волнистой причёской до плеч; тонка, но не тонкой кости, спортивного вида и лет тридцати пяти или тридцати семи. Она была вроде «затейника» в этой компании. Она всё время что-то говорила, улыбалась, и даже смеялась, пытаясь, этим, больше оправдать своё присутствие здесь, чем развлечь этих жлабов, с которыми приехала сюда, на одном из стоявших перед оградой ресторана, и ничем не бросающихся уже в глаза, автомобилей.

Она смеялась, но как-то виновато смотрела по сторонам, как бы извиняясь за себя и за них. Но когда она, на мгновение, становилась серьёзной и сосредоточенной, по её лицу пробегала тень жуткого нервного напряжения. А жлобы жрали свои блюда и снисходительно лыбились, посматривая на неё со своего высока. «Зачем она с ними? Что они ей – что она им? Она одинокая» – решил Голицын. «Ну, и что, мало ли сейчас одиноких. Нет, тут что-то ещё. Чем она меня привлекла?»

В это время к их столику подходил официант, и Мессир делал ему какой-то заказ, и тот что-то приносил на их столик и расставлял.

Маэстро, – прервал его раздумья Мессир, – кушать подано.

Вы знаете, что я бывший актёр? – с какой-то обидчивой укоризной спросил вдруг Голицын.

Актёр не бывает «бывшим», если он, конечно, на самом деле – актёр. А вы, я знаю, были успешным актёром. И я несколько не хотел вас обидеть, что с вами?

Ничего, – он безразлично глянул на поданные блюда, – вон, сидят «братки», что морды, что шеи, как на подбор, как с киноэкрана сегодняшнего сошли. Тоже во всём чёрном ходят – под вас работают, что ли?

Так, это ж мои! люди, – спокойно сказал Мессир.

Как это? – с некоторым испугом удивился Голицын.

Так чёрные дела – это всё мои дела. Что ж я вам буду Америку открывать. На шарике идёт игра – глобальная игра. А в ней – большие и маленькие игры. И каждый выбирает себе свою роль. И вы, как актёр, должны это очень хорошо

понимать. Как там у вас – по системе Станиславского: задача, сверхзадача, действие, сквозное действие. Так и в этой жизни – действуй, тогда будет успех. Это, заметьте, понимают все, но не все умеют. Или не хотят. Как и у вас на сцене – мало понять теорию – что делать? Как действовать? Надо оседлать это действие практически – всем своим существом, всем своим нервом и энергетикой, а если – нет, то, что будет с артистом и его ролью? Что – я вас спрашиваю?!

– Провал, – ответил, оболдевший от знаний актёрского ремесла Мессира, Голицын.

Правильно. И каждый получает в этой жизни то, что он хочет. Чего желает. Не на словах, не теоретически, а на деле. Вот, ваш хваленый дядька, который – умница – Толик.

Где он?

Умер.

А что ж так рано-то?

Вы Анатолия не трогайте.

Конечно. Он же тянулся, учился – школу с отличием закончил, техникум, вечерний институт, стал ведущим инженером, не доедал, не досыпал. Не пил, не гулял. И чем кончил?

Ну, так, началась «Перестройка», потом всё на заводе поменялось.

Правильно. Поменялись условия игры.

Они стали грязными – эти условия.

А были чище? Перестаньте. Они были привычны. А эти – новые условия – не привычны. Его ведь звали назад и не один раз. Но он не пошёл, не захотел принимать новые условия – пошёл по улицам собирать бутылки и спился, связавшись с подзаборными пьяницами и бомжами, которые, в конце концов,

его избили, а для его здоровья этого было достаточно. Но это его выбор. Он к этому и шёл. И вы это сами прекрасно знаете, и видели его успокоившееся лицо, лежащее в гробе. И вы это понимали. Только, не хотите признаться самому себе. А

ваш деда Гриша – папа этого Толика – гонялся за батькой Махно. Ну, и что он догнал? Кроме того, что его молоденькую жену, а вашу бабушку, чуть не

растерзали. Ну, назначили его начальником Бюро пропусков завода – первый человек! – по разрешению на вывоз и на вынос. Ну, и что он вынес? По его доброте

душевной – вынесли и вывезли пол завода, а его родная дочка в литейном цехе надрывалась до посинения живота. Её он, по благу, пристроить не мог?

Да, не мог, совесть не позволяла! – не выдержал Голицын.

Перестаньте. Мы же с вами всё выяснили. Какая там – совесть. Выбор. И игра роли, которую выбрал. А отсюда, конечно, как там у вас – «сшибка характеров», «конфликт мировоззрений», – иронично резюмировал ОН.

Голицыну, опешившему от натиска, а теперь, и от осознания осведомлённости своего собеседника, захотелось отвести глаза в сторону. Он отвёл, и тут же наткнулся взглядом на встречный взгляд своей блондинки. И он улыбнулся ей. И она ещё энергичней заёрзала на своём стуле. И ему ничего не оставалось, как опустить глаза в свою тарелку, и начать

есть, накалывая на вилку кусочки мяса и жареную картошку, в незнакомой ему ароматной приправе.

Это ж надо, проработать всю жизнь начальником Бюро пропусков завода – не вынести оттуда ни одного гвоздя и не продать, чтобы обеспечить хорошую жизнь своим детям, – продолжал кручиниться Мессир, – со-овесть.

Голицын «поклёвывал» из своей тарелки, и поглядывал в сторону своей блондинки. Та вскакивала со своего стула, пыталась пригласить на танец, вообразившего чего-то из себя,

высокого брюнета, из их компании; пыталась вытащить за руки другого «кавалера», замученного какими-то проблемами, тоскливо стоявшими в его глазах, и вспотевшем подбородке. Их подталкивали их жёны, но всё было тщетно. Блондинка вернулась на своё место, пытаясь завуалировать нервное напряжение от сделанного холостого хода, своим звонким, как колокольчик, смехом, и громкими восклицаниями, вроде: «Ну, что ж вы, блин!» После чего – она отпила вина из своего бокала, сбросив туфли под стол, и подняв на носочки свои готовые к танцу ноги, одетые в тонкий капрон, под цвет её волос. Голицын заметил, что у неё был ход балерины или танцовщицы. «Как там у них, „по пятой“ или „по шестой“ позиции»? Он, для себя, называл это проще: «Идёт „корольком“» Это он извлёк из поучений одного старика, соседа по больничной койке, когда, давно – ещё юношей, лежал в больнице с воспалением лёгких. Дело было среди лета, они выходили в больничный садик, садились лицом к проходящей мимо улице и наблюдали прохожих, особенно дамского пола. Тут-то старик и поведал ему – о различиях женских походок и всего прочего с этим связанного. Вот и сейчас, он вонзил свой взгляд в напряжённые ноги блондинки, поднятые на носочки, упёршиеся в пол, и его волновал подъём этих ног. Почему? Не объяснить. Этот подъём её ног, даже возбуждал его. У Голицына вздулись ноздри, келейная бледность исчезла, и лицо осветилось привлекательным неярким пламенем, от чего стало по-мужски красивым и гармонировало с его пепельно-русыми, по-казацки закрученными вверх, усами, коротко стриженной бородой и волнистой прядью чуба, нависшего над серо-зелёными глазами его. Он не знал, что ему делать с нахлынувшим на него

чувством, и стал энергично есть, со всех предназначенных ему блюд, запивая всё это минеральной водой.

Вот вы уже, сколько не пьёте? – поинтересовался вдруг Мессир.

Тринадцать лет, – отпарировал тот, продолжая усиленно есть.

Не считая месячного перерыва, – заметил собеседник.

Какого перерыва, – пробросил Голицын.

Того самого. В девяносто пятом «годе», в городе Сочи, когда позволили себе разговестись – на Пасху, 23 апреля.

Я справлял своё сорокапятiletние. – А сам подумал: «Не в Сочи это было, а в Лазоревской» – но не стал поправлять Мессира.

Нет, справляли вы в мае, уже в Ростове. Гудели две недели, на весь «Дунькин клуб».

Ну и что?

Ничего. Просто меня интересует – зачем вы вообще-то бросили пить? Посты стали соблюдать. ЕМУ молиться. Вы что, не понимаете, что этим самым сделали свой выбор? Вот сейчас – вы выпили бы, как нормальный мужик, как Пётр Григорьевич Голицын. Пригласили бы на танец вот эту, так приглянувшуюся вам, блондинку. Потом, упали бы перед ней на колени, с признаниями в безумной любви, и целовали бы её вкусные руки и, так возбуждавшие вас, её пружинистые милые ноги, с этим эротично-соблазнительным подъёмом! Стали бы сразу – самим собой. Был бы красивый роман. Вы бы удовлетворили свои желания, излив всю энергию своей любви в живую, ждущую от вас этого порыва, женщину. И она бы была счастлива этим. Хоть на какое-то время, а была бы – счастлива.

У Голицына закружилась голова. Всё поплыло перед глазами. Он налил в бокал холодного «Боржоми» и выпил почти залпом.

В это время, в зал зашёл котик и запрыгнул блондинке на колени. Та изумилась:

Ой. Ну, хоть кот и то хорошо, – засмеялась она, краснея лицом.

А скрипач, в это время, протяжно заиграл красивое, душещипательное вступление к танго. Кот спрыгнул с колен блондинки, вырос в человеческий рост, взял её за руки, поднял со стула, подхватил правой лапой под талию и повёл в танце. Чёрный пушистый, с серебряным отливом кот и босая спортивного вида женщина, в чёрном коротком шифоновом платье, с вырезом на спине и оранжево-золотыми блестящими волосами по плечам – гармонично двигались в страстном волнующем танце. Она, сначала, посмеивалась, глядя по сторонам. Потом, перестала отвлекаться на эти «стороны», и вся отдалась танцу.

Музыканты играли отменно, «без дураков», не прерываясь, а плавно переходя из мелодии в мелодию. И всю эту музыку снова раскрасил звонкий колокольчик её весёлого, совсем уж беззаботного смеха, сквозь который она выпалила, обращаясь к своей компании: «Мама дорогая, я же вся промокла! Как же я буду выжимать своё шикарное нижнее бельё?!»

Надо сказать, что посмотреть на эту странную и даже экзотическую танцующую пару, собралось всё население ресторана. Перед проёмом двери, ведущей «за кулисы» зала, стояли, разинув рты, работники кухни: официанты, ресторанный певец, прибежавшая охрана, немолдой швейцар и представители ресторанной администрации.

И вот, на глазах у всей этой почтительнейшей публики, после крикливых слов блондинки о «выжимании её шикарного нижнего белья», кот, не мешкая ни секунды, рок-н-рольным движением раскрутив от себя, и тут же прикрутив обратно к себе, свою партнершу, и снова раскрутив от себя – изящным движением фокусника извлёк из под платья ленточку её золотисто-белого лифчика. И сделал «ап» на публику. Все ахнули. Но это было ещё не всё. Другим рок-н-рольным движением, он стал кувыряться между расставленных ног танцовщицы, перебрасывая партнёршу, в полный её рост, над своей головой, до тех пор, пока не поднялся, не выбиваясь из музыки, на задние лапы, но уже с её золотисто-белыми трусиками и узкой полоской пояса, с подпрыгивающими пажами, в поднятой вверх правой передней лапе! Но,

на удивление ошарашенной публики, танец их не прекращался. Они продолжали выплясывать свой бешеный рок-н-ролл, но уже «на пионерском» друг от друга расстоянии. И вот, когда ударник стал выбивать на барабанах, тарелках и «чарльстоне» своё соло – кот пал на колени своих задних лап, передние же, с бельём блондинки, поднял над собой и, в экстазе, заорав с потягом: «Мя-я-я!» – он стал отжимать это бельё, с которого струями, прямо на его морду, полилась неведомая жидкость. Кот купал в ней свою физиономию, ловил ртом, подставлял ей своё пузо... Потом, он ползал за танцующей женщиной на коленях, лизал её юркие ножки и, в том числе, так возбуждавший Голицына – эротический подъём её ног, где уже лежали собравшиеся волны её чулок, оставленных пажамы. В общем – был в экстазе.

В этом экстазе, он напялил нижнее бельё женщины на свои кошачьи телеса, музыканты заиграли «Цыганочку, с выходом» и кот, потрясая своей шкурой, в районе груди, и крутя оконечностями поднятых кверху передних лап, а задними отбивая чечётку, снова соединившись в танце со своей восхитительной партнёршей, повёл её по кругу.

Она же, во всё это время, залиvisto смеялась, лицо её сделалось пунцовым, а в глазах её играли огоньки.

Вся же, окружающая их публика, просто онемела, выпучив глаза. А у «братков», охренело-застывших за своим столом, пообвисли уши и поотвисли челюсти.

Но вдруг, лицо женщины побледнело, покрылось испариной, она стала слабо похохатывать, и снова смотреть по сторонам, но уже другими сумасшедше-пьяными, просящими о чём-то не понятном, глазами. Брови её стали сдвигаться к переносице и вздрагивать. Плечи стали вторить бровям. Всё её тело задрожало. Из её губ вырвался крик, похожий на стон и она вдруг зашлась истерическим смехом, упав на кошачьи лапы. Голицын, пулей рванул к ней, подхватил на руки, усадил на стул, ощутив на себе её горячее дыхание и холодные капельки пота, с её лба – на своих губах, после лёгкого прикосновения-поцелуя.

Кот исчез. Все всполошились. Её окружили друзья-приятели, с которыми она сюда пришла, окликая её: «Саша, Сашенька, Александра, что с тобой?!»

Мессир быстро расплатился с официантом. Подошёл, к одиноко торчащему посреди зала, Голицыну, и сказал ему: «Пойдёмте отсюда, я вам всё объясню». И тот, с болью и надеждой в глазах, последовал за Мессиром.

Они вышли из ресторана и той же дорогой, которой шли сюда – пошли обратно. К удивлению Голицына, у которого на душе скребли кошки, Мессир был спокоен и шёл, не спеша, грациозно выбрасывая перед собой свою трость. Голицын напряжённо ждал, когда тот заговорит, и что ОН ему объяснит? И ТОТ, так же не спеша, как шёл, так же и заговорил:

Понимаете, мой дорогой, женщина – вообще: большая загадка. А эта женщина – загадка вдвойне. В человеке, в принципе, много всего и всякого намешано. И здесь, мы вновь сталкиваемся с той самой проблемой, о которой я давеча начал с вами рассуждать.

Что это вы «развозите по тарелке», как доктор философских наук в среде кружка юных натуралистов?!

Не хотите слушать, не надо, – безразлично произнёс Мессир, и замолчал.

Я хочу услышать ваши объяснения по поводу этой женщины и больше ничего!

Наступило долгое молчание и тишина, которую заполнило шуршание листьев на высоких старых тополях.

Могу вам сказать одно: у этих людей, в компании которых она была в ресторане, водятся деньги. И с этим у них всё в порядке. Но ведь этим-то – «всё в порядке» – им хочется блеснуть на людях. А блеснуть-то можно только, как у вас говорят, в «крутых» местах. А где же в этих местах взять людей, перед которыми можно блеснуть? В этих «крутых» местах – людей не бывает. Вот они и нашли среди своих близких знакомых – человека, у которого с этим «всё в порядке» – не всё в порядке. И они приглашают вашу блондинку, за свой счёт, на своё представление, как театры приглашают публику к себе в зал. И она это понимает. И ей неудобно

за них, и за себя, в этом дурацком положении. Хотя, в данном случае, достойно быть наоборот. Но на вашей географии – такого! не наблюдается. Больше я вам ничего, пока, не скажу.

Я должен её видеть! Сейчас! Немедленно! – Голицын стал, как вкопанный.

Она уже благополучно уехала.

Так сделайте же что-нибудь! Вы же всё можете.

Я не всё могу. Не преувеличивайте. И, потом, у меня существует своя этика, – встрепетулся, наконец, ОН, – и прошу не подталкивать меня к нарушению этой этики. Вот, вы же – не желаете поведать мне историю своего файла «ДИТЯ»! Бойтесь. Как будто я следователь Генеральной прокуратуры.

Да что вам дался этот файл? Да! Я хотел, чтобы «оно рвануло»!

Но оно не рвануло.

Не рвануло. К сожалению. Знаете, капитан, если бы вы, вот сейчас, в наше время, понескольку часов в день, унижительно томясь, как огурец в банке натыканной до предела другими огурцами, считаясь на номера, по решению государства «об обмене паспортов», промурыжились в этом Паспортном столе!..

Там была вывеска «Паспортно-визовая служба».

Да, вывески менять мы научились. Только с содержанием беда. Как в том анекдоте: «Бабка прочитала на заборе – «одно», а когда заглянула за забор – там, всего лишь на всего – дрова.

Мессир, никак не отреагировал на эту шутку, а только спросил, – И это вдохновило вас написать рассказ?

– О! Это же происходит не только при всеобщем обмене паспортов. Это, практически, каждый день. И при чём – во всех казённых присутственных местах! Как нарочно! Все эти места масенькие, убогие тесные, душные. Как будто

это не в городе всё происходит, а в заброшенной умирающей деревушке. Наверно — специально, чтобы с нетерпеливых граждан побольше и поскорше сорвать. Ха, я даже заплатить государству из своего кармана не мог по-человечески!

За что заплатить? – поинтересовался Мессир.

За то, что поверил этому государству. Его призыву – переучиваться.

Это интересно, – с оживлённым энтузиазмом, вставил словечко Мессир.

Интересно, – подтвердил Голицын. – Даже, очень интересно! Я же вынужден был оставить свой Любительский – Народный театр, которым руководил двадцать лет. Ну, потому, что всё кончилось. Дожали обстоятельства нашего общественного устройства. Да. И пошёл я в свежеспечённую казённую организацию под названием: Центр занятости. Стал на учёт. Получил следующую порцию унижения – ходить туда раз в неделю, отмечаться. Открыли они месячные Курсы предпринимателей – пошёл честно отучился, кое-что понял о рыночных отношениях. Да. Потом, пошёл на Компьютерные курсы – закончил. Сочинил свой Бизнес план. Их специалисты его утвердили. Собрал ещё кучу бумаг. Дали мне, так называемую, ссуду. То есть те деньги, которые я должен был бы получить за следующие шесть месяцев, как пособие. Только теперь, я получил их сразу, для развития своего дела.

И какую же вы сумму получили, если не секрет, – всё больше заинтересовываясь рассказом, полюбопытствовал Мессир.

Вы будете смеяться, капитан. 1 200 рублей.

Это значит, вы жили на 200 рублей в месяц до получения ссуды, – уточнил тот.

Так точно. Пошел, зарегистрировался, как предприниматель без образования юридического лица. Потратил на организацию по воплощению своей идеи в жизнь, ещё и взятые у матери деньги. Но на воплощение требовалось ещё какое-то время, естественно. А тут подошло время платить налоги в Налоговую инспекцию. А какие могут быть налоги, когда ещё ничего не сдвинулось с места, одни затраты.

Но госпожа инспектор спокойно мне объяснила: «Платите предполагаемый налог». И называет сумму, которую я – ну, просто не могу себе позволить платить в данных обстоятельствах. Я тут же аннулировал своё предпринимательство, и на этом моя новая карьера кончилась.

И вас заставили вернуть эти 1 200 рублей обратно – государству, как я понял, – опередил события Мессир.

Да. И, слава Богу!

За что же это ЕМУ слава? – с обидчивым раздражением спросил Мессир.

О! Если бы вы посмотрели бумаги, которые надо заполнять в Налоговой инспекции – вы бы меня поняли. В них сам чёрт голову сломит!

Неужели??

Ха, он ещё спрашивает. Короче, когда я пошёл платить в то единственное место, где можно было это сделать, а это место было таким же убогим и масеньким, как я вам описывал выше. И в этом месте было набито народу, как селёдки в бочке. И я весь был «в мыле» от этой духоты, и мне стало вдвойне обидно! Я должен отдать деньги, но за это я ещё должен промучиться часа два, убивая своё время.

Да, это верх унижения, – сочувственно согласился Мессир. – Теперь, «я фас понимаю», – закончил он, почему-то с немецким акцентом.

Да, моя история – это так – цветики.

Значит, ваш террорист должен был взорвать это убогое помещение вместе с посетителями и персоналом?

Нет, что вы! Он должен был всё делать наоборот – выгнать всех оттуда и подальше! Освободить их от этого рабства!

Так, почему же вы не захотели это взорвать хотя бы в вашем рассказе, и стёрли его со своего файла «ДИТЯ»? – не успокаивался Мессир.

Передумал. «Потух огонь на алтаре». Мне ведь больше за граждан было обидно. А гражданам, как видно, на это наплевать. Им наплевать, что на них плюют. А мне, в таком случае, ничего не остаётся делать, как наплевать на них. Хотя, им, конечно, и на это наплевать. Вот так и живём.

Не хорошо живёте, – резюмировал, по своей привычке, Мессир. – Только, зачем вам все эти мелочи, не понимаю, – сказал он скорее себе, чем своему собеседнику.

Разговаривая так, они дошли до Базы отдыха, к которой они причаливали свою яхту. База гудела – свадьба была в разгаре. Весь свадебный люд высыпал из столовой на волю, где уже играл баян, и все хором, вразнобой пели: «По Дону гуляет казак молодой».

– А где наш кот? – опомнился Мессир, – и стал звать по кустам, – кс-кс-кс, кс-сс.

.Седой!

– Вы мне о вашем коте и не напоминайте! Я ему морду набью! Хамло! Мурло паршивое!

Мессир захохотал. И с этим его смехом они вошли в ворота базы, и направились прямо к причалу. Но на пути-то у них была разгулявшаяся свадьба. Делать было нечего – они пошли сквозь неё. И тут Голицын услышал знакомый голос. Он ещё не понял, конкретно, чей это голос, но его он неприятно насторожил. А голос этот, который был женским голосом, орал открытым пьяным звуком:

– А-а-а, доктор! Так, вы морской доктор?! Здрась-сьте! Вот и свиделись! Правду говорят, что мир тесен! А ваш котик уже у нас!

Конечно же, это была та самая кума, с Театральной площади, которая так жаждала сфотографироваться с котом, у фонтана. Она была худосочной, но жилистой женщиной, с непропорционально торчащей, для её комплекции, грудью. Это была настоящая дочь степи – смуглянка, обласканная ветром и солнцем.

Здравствуйте, здравствуйте, – стараясь не останавливаться, ответил на её приветствия, Мессир. – Так, где, вы говорите, наш котик?

Ой, он такой молодец – нарядился в женщину и припожаловал к нам на свадьбу, представляете!

Представляем, – ответил Мессир, – так, где же он?

А его, мой Николай угощает. Там – в столовой. Ха, да вот же они!

И спутники увидели милую картину: их чёрный кот, во весь свой человеческий рост, одетый в белые трусики и бюстгальтер, блондинки из ресторана, шёл в обнимку с Николаем, мужем кумы. Они шли, раскачиваясь, и, тоже орала песню – про молодого казака, гуляющего по Дону.

Кума бросилась к ним, заорав во всё горло:

Котик, дорогой ты мой, и с какой же барышни ты такую одежду снял?!

Ну, вот ещё – «сня-а-ал»! Ничего я не снимал. И ни с какой, ни с барышни, – обидчиво завопил он.

А с кого же, с кавалера, что ли?! – сострила кума, отрывисто хохоча.

Свадебный люд свёл на нет свою песню, и переключил своё подгулявшее внимание на шумящую куму и кота, который пытался собрать свои сбившиеся мысли.

Это бельё мне подарила одна принцесса.

Свадьба отреагировала смехом.

Нет, господа, вы не правильно меня поняли, – перекрывая их смех, правил свою мысль кот, – тогда, она ещё не была принцессой. Она стала принцессой, как раз таки, тогда, когда сняла с себя это бельё и после того, как я надел это её нижнее бельё на себя, – насилу выправил он свою загибающуюся мысль.

Свадьба захохотала с новой силой.

Зря смеётесь, глупые вы люди! Я же не простой кот-то! Я же – волшебный кот! Вы же сами видели: я из маленького котика – превращаюсь вот, в «такова», – выставил он вперёд свой живот, – и при всём при том, я ещё и учёный кот. Вы Пушкина-то,

читали?! – заорал вдруг он, оглядывая толпу, – «ва тэта места» у него, – он поднёс лапу к голове, и начал декламировать:

«У лукоморья дуб зелёный;

Златая цепь на дубе том:

И днём и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом...»

Ты нам своим Пушкиным мозги не забивай, ты нам про принцессу давай, – прервал его декламацию, заинтересовавшийся принцессой, Николай.

Далась тебе эта принцесса, – зашипела кума, зыркнув на своего мужа.

Помолчи, женщина, – пригасил её Николай, не отводя прищуренных глаз от котовой морды.

Да, как это – она стала принцессой, – заверещал девичий голос из толпы, – что это значит, «принцессой»?

Га а! – воскликнул кот, – тут-то собака и зарыта. «Принцесса» – это титул высокопарно пояснил кот, – а к этому титулу, она, тут же, получила в подарок автомобиль Джип – «широкий», чёрного цвета; чек – на сто миллионов долларов и букет роз, из пятидесяти и одной розы, – уточнил кот.

Врёшь! – раздался из толпы звонкий голос молодой женщины.

Конечно, брешить, – сказал баянист, сдвинув меха баяна, с помощью, загудевших басовых кнопок.

Да постой ты, не гуди, – гукнула на него уже немолодая полной комплекции дама.

Ха, какая же мне выгода вам врать? Я и живу-то, в сущности, ради вас. И чудеса свои делаю только ради человечества! А точнее – ради милых дам-с! Я даже не всё ещё рассказал про неё, – опомнился кот

А что же ещё-то, Господи?! – поразилась дама полной комплекции.

А ещё, – повесил кот паузу над застывшей толпой, – принцесса поехала на своём джипе на местный аэродром, где ждёт её личный, теперь уже, серебристый лайнер, на котором она улетит на свою виллу, а точнее, в свой замок, на берегу Адриатического моря. Вот.

Воцарилась такая тишина, что был слышен тихий плеск ленивого донского прилива. И в этой тишине, усиленно стараясь её не нарушить, прохрипел подрагивающий голос Николая: «Сымай трусью». «Ты чо, Коля?» – тихо изумилась кума. «Сымай, говорю. С бюстгальтером я помогу» – и он полез руками расстёгивать её «сброю». «Да он у меня не там расстёгивается, уйди!» – шумнула кума.

И тут, началось невообразимое! Подавляющее большинство слабого пола свадебного собрания, натихую, уже шуршало своими нарядными юбками, кофточками и платьями. И, теперь, первые из тех, кто уже готов был к подвигу самопожертвования, молча, сопя, а кто и с придыханием, бросились в сторону кота, держа в руках своё нижнее бельё, на изготовке, как в древности охотники держали свои сети, охотясь за живым тигром, для кровавых зрелищ фараонов. Бедный кот не успел, и мякнуть, как в зловещей тишине южной ночи, на него стали набрасывать, напяливать, и натягивать эти «сети». Соппротивление было бесполезно. Но зловещая тишина «разведки боем»

скоро рухнула. Поскольку «доступ к телу» кота был катастрофически мал, для такой уймы желающих стать принцессами – началась давка, за ней – потасовка, и, наконец, драка с воплями, криками, руганью и нецензурной бранью.

За кругом эпицентра «взрыва», ярко выделялась лишь одна пара – кума со своим мужем Николаем, который был вне себя от её дикого непослушания:

Что же ты, как дура та, упёрлась?! Подумаешь, делов-то всего – только снять да одеть, на авось. А авось-то тот – вон, какими «мильёнами» может обернуться!

Ну и сымай своё! Дурак, – отбивалась кума.

А ну, сыма-а-ай! – и он, упав на колени, сзади её ног, полез ей под юбку.

Та схватилась руками за свои бёдра и, как резаная, закричала не своим голосом:

Караул! Насилуют!

Кому ты нужна, чумичка! Отпусти трусы, говорю, – рычал он, вцепившись в резинку на её бёдрах, под платьем, мёртвой хваткой, – глянть, что народ делает! Что ж он – дурней тебя, дуры!

Голицын, стоя рядом с Мессиром, в тени могучего тополя, загораживающего собой свет столбового фонаря, давно хотел нарушить коту его пламенную речь о принцессе, и надрать ему уши так, чтобы ему больше не повадно было вести похабные речи о том! Он весь сгорал от этого желания! Но, почему-то, сделать ничего не мог.

И не известно, чем бы всё это кончилось, если бы не Мессир. Он выступил вперёд, и зычным протяжным командирским голосом сказал:

Станичники-и!! – и поднял правую руку, с перстнем, на безымянном пальце.

И вся свадьба, разом смолкла и посмотрела на него. А он продолжил, громогласным голосом, сняв с глаз своих зеркальные очки:

У вас же столовая горит, гляньте!!

И вся свадьба, опять же, разом, оглянулась, и ахнула! Поднялся дикий шум и страшная паника! Какой-то женский голос истошно прокричал: «Там же все наши собранные деньги!» Поднялась ещё большая паника! Кто-то уже схватил вёдра и бегал к Дону за водой и поливал столовую. Кто-то сорвал с пожарного щита багор и начал крушить столовую! Но больше всех орал и метался кот, которому, как нельзя – не к стати мешала та куча разноцветного, разно-

калиберного и разно фасонного женского белья, насильно напяленного на него, как попало, и которое опоясало его с ног до головы, как кольца африканского удава.

И, только, Голицын, стоящий за спиной Мессира, был спокоен, и не понимал, что происходит. Потому, что он отлично видел своими глазами, реально – никакая столовая не горит, и люди бесятся зря, поливая столовую водой и круша её на части.

А Мессир, улучшив момент, схватил кота за шиворот и оранул ему в ухо: «Марш на корабль!» – Да так пхнул его рукой, по направлению причала, что тот улетел туда, как ядро из пушки, постепенно уменьшаясь в размере, и опять же, не успев даже мяукнуть. После чего, Мессир вернул очки на место, повернулся к Голицыну, и спокойно сказал:

Пойдёмте, нам пора.

Капитан выставил свою трость в направлении Дона, и мерным шагом они пошли к старенькому причалу неизвестной им Базы отдыха.

Мимо них шныряли участники свадьбы, гремя вёдрами, тазами и корытами, которые забегали по колено в реку, черпали оттуда спасительную влагу, и амором бежали обратно, к злосчастной столовой.

И когда стальной наконечник капитанского зонта-трости, и каблучки его белых парусиновых туфель – застучали по железному покрытию причала, а в лицо пахнуло свежестью донского воздуха, и в конце причала возникла иллюминация их яхты, как

Новогодняя ёлка, посреди лета, только тогда, капитан повернулся в пол оборота в сторону берега, и точным посылом своего голоса, сказал: «Отставить пожар».

Но оставшимся на берегу – не сразу дошла его команда. Они ещё некоторое время бегали и суетились вокруг полуразрушенной ими столовой, с вёдрами, баграми и топорами, пока их не остановила, протрезвевшая раньше всех, кума, сказавшая: «А пожар-то кончился». И все вдруг увидели, что никакого пожара нет. А только лежат мокрые развалины столовой, а среди них стоят целёхонькие столы с выпивкой и закуской. А за главным столом – сидят, пригнувшись, перепуганные насмерть – жених и невеста, обхватившая сумку с собранными «на дары» деньгами.

И всем сразу стало весело. И сразу забыли они про кота, про доктора и про того бородатого казака, что всё с ними ходит. И только разгорячённым телам, некоторых свадебных женщин, оставшимся без нижнего белья, нет-нет, да и напоминал о странном ночном порыве, невзначай подлетевший свежий ветерок, от тихого Дона.

А капитан со своим пассажиром уже сидели в носовой части яхты по разным её бортам, друг против друга, на удобных мягких диванчиках. Боцман стоял за штурвалом. Кота среди них не было, но по кораблю витали разнообразные запахи многолюдного женского общества, принесённые им.

Вы знаете, – заговорил Голицын, – один далёкий наш родственник – дядька Вася, который был работником Культуры, где-то на Целине, и который наезжал в Ростов под каждый Новый год для закупки ёлочных игрушек, и посещения, при этом, ресторана «Центральный», почти ежевечерне... Так вот он – называл мою мать, почему-то, Зоей. Я никак не мог понять – почему? А потом понял – он всех женщин называл – Зоями.

А-а, – воскликнул Мессир, – это тот самый волнистоголовый симпатяга, который разошёлся со своей первой женой, и женившись на второй – снова заимел первую, но уже как тайную любовницу?.

Да, да, – растерянно раскрыв рот, тихо согласился Голицын.

Ну, так что же, – бодро сказал капитан, обращаясь ко всему, что их окружало. И ОН, ловко сняв очки, глянул на небо, а затем, в упор на Голицына, – Пойдём намеченным маршрутом?

И от этих глаз, в полутьме которых потонули два тусклых огонька – зелёный и жёлтый, у Голицына в голове запрыгали мысли, как стрелка курсора его компьютера, ошарашенная залетевшим вирусом, и замелькали, как лапочки всего компьютерного комплекса, сошедшие с ума – от того же злоумышленного вируса. В них промелькнула и танцующая блондинка, со спущенными на её быстрые ножки чулками, и эротичный подъём этих ножек. И его одинокая душная «келья» с огрызком горящей свечи, и бурчащая мать, охающая днями и вечерами, от своих бесконечных болячек, и машины «скорой помощи», вызываемые для неё, и ожидаемые им в ночной тьме улицы, с тревожной болью в его груди. И балкон Светланы Николаевны, и она сама, разлёгшаяся на своём диване, перед телевизором, и давно махнувшая рукой на свой домашний имидж, в чём был повинен и

он, своим мужским безразличием к ней; и снова – блондинка с её загадочным наэлектризованным ликом. И – всё!

А какой у нас маршрут? – конкретно спросил Голицын.

Пойдём вверх по Дону: Волгодонск. Волгоград.

Сталинград, – поправил боцман капитана.

Да, – согласился ТОТ, снова надев очки, и продолжив, – Москва – далее – везде!

Была, ни была! – махнул рукой Голицын, глотнувший вольного донского воздуха, – где наша не пропадала!

Вперёд! – скомандовал капитан.

Отдать швартовые! – подал команду боцман, невидимо где, прятавшемуся коту.

После чего, был включён яркий прожектор, освещающий путь, отходящего от берега корабля.

Они сделали «круг почёта», дойдя до большого автодорожного моста, на Ворошиловском. И пошли вверх, оставляя позади высокий берег Дона, усыпанный огнями ночного города и утопающий в ночной зелени – другой берег – шашлычно-ресторанный «Клондайк левбердона», из чёрной пасти которого, то там, то здесь, взмывали в небо трещащие разноцветные фейерверки, и лилась фонограмма песни «Как упоительны в России вечера».

Свадьбы гуляют, – раздался неведомо откуда, грустный голос кота.

Крутые – праздник себе устраивают, – в пику ему, сказал Голицын.

Кстати, – обратился к нему Мессир, – как вам ресторан, после вашего затянувшегося монашества? Не считая, конечно, вашей блондинки.

Голицын подумал и сказал:

Всё тот же примитив, всё та же – тоска.

Вы! сказали, – и твёрдой рукой, Мессир выставил свою трость, точно указав острым стальным наконечником, в голицынскую грудь.

Я, – утвердительно покивав головой, сказал Голицын.

Боцман дал длинный гудок, потом, два коротких и ещё длинный, и корабль, пригасив свой прожектор, вошёл в темноту пути, мерцающая огоньками иллюминации, очерчивающей невидимый в ночи, контур яхты, плывущей по уснувшей реке, как сказочный призрак Новогодней ёлки.

А навстречу им, уже поднималась на чёрный небосвод – огромная полная луна, тревожно волнующая своим загадочным, гипнотическим светом, каждого, кто засмотрится на неё».

@ @ @

Часть вторая. Шлюзы

7. Транзитный причал

Виталий, прочитав об отплытии яхты из Ростова на Дону, в ночь на полнолуние, снова занервничал, засуетился чего-то. Прошёл на кухню, поставил чай. Закурил. Открыл, уже затворённое, предупредительной маманей, окно. Ночь была тихая и звёздная. Издалека зажужжал идущий на посадку самолёт, вот появились его горящие прожектора, жужжание превратилось в звенящий гул – он гасил уже ненужную скорость своего полёта. И вот, он приземлился – это было слышно по его дикому рычанию – точно тигр, на пути которого встала дрессировщица с хлыстом.

Виталий вернулся в комнату, с чаем, сел к компьютеру, и, мельком глянув на телефон, и испулав лицо, горячим дымком свежего чая, продолжил чтение.

@ @ @

«Славный корабль с капитаном, в зеркальных очках которого играли отсветы яхтенной иллюминации, его архи малочисленной командой и одним единственным пассажиром на борту, бесшумно, и уверенно набирал ход. Он уже минул бывшие станицы: Александровскую и Аксайскую, оставив их далеко сзади, по левому борту.

Тем временем, капитан пригласил своего гостя в кают-компанию, на чашку вечернего чая. И теперь, Голицын сидел за маленьким столиком, в уютном ярко освещенном, этаком – светском салоне, с винным баром, бильярдом и домашним кинотеатром – со звуком «Долби», который, в данное время, тихо звучал какой-то легкой джазовой импровизацией. Приятно пахло молотым кофе, дорогим немецким одеколоном и французским коньяком.

Капитан вышел из своей каюты и вошёл в салон, держа в руке сложенную географическую карту, которую он тут же развернул и разложил на бильярдном столе.

Это карта нашего маршрута. Просто – окинем взором, чтобы весь путь, целиком, уложился в голове, и не казался бесконечным. Прошу, – пригласил он к карте пассажира.

Да, конечно, – глупо согласился тот. Встал и подошёл к бильярдному столу.

Вот он Дон – славная река. Мы сейчас – вот здесь. Наша задача пройти все шлюзы Волго-Донского судоходного канала имени В.И.Ленина, войти в реку Волга, у города Волгоград, а там и до Москвы рукой подать. Пока всё. Вопросы есть? Вопросов нет.

У матросов – нет вопросов, – прозвучал до боли знакомый голос за спиной Голицына.

Он оглянулся и увидел кота, одетого в чёрный фрак с белой манишкой и чёрной бабочкой. Кот принёс на чёрном с позолотой подносе две парующие белые ребристые чашки, тонкого фарфора: одну – с чёрным кофе, другую – с чаем, и поставил всё это на маленький столик, за которым, только что сидел Голицын. На коте ещё были, почему-то, синие шаровары с красными лампасами, заправленные в белые шерстяные носки, а на ногах – вроде, галоши, но не резиновые.

Чего так смотрите, – перехватил кот взгляд гостя, – чирики это, чирики, – и он приподнял ногу, демонстрируя свою обувь, – «Тихий Дон», Шолохова Михаила Александровича, читали? Кстати, это не он написал «Тихий Дон».

Да что вы говорите?? – наигранно изумился Голицын.

Да-а, – невозмутимо и со знанием дела протянул кот, – это я вам говорю, как большой специалист по русской литературе! Я бы мог привести вам неоспоримые доказательства, но время моё, к сожалению, ограничено.

К счастью ограничено, – строго прервал тему кошачьего трёпа Мессир.

Так вот, это, – он поменял демонстрационную ногу, – это самые настоящие казачьи чирюхи. Эти – из козьей кожи. Я их, конечно, в порядок привёл. Отлакировал. У

меня есть мастер знакомый, в Большом театре работает, сапожником. Вы вот тут сидите у себя и ничего-то не знаете про себя. Мышей, как говорится, не ловите. А

мы, в наших столицах, мышей ловить – не забываем. Изучаем провинциальный рынок. Работаем конкретно по маркетингу. Я у вас на Дону уж заранее побывал. В этнографической экспедиции, – уточнил он, глянув на капитана, – сказки всякие там собирал, пословицы с поговорками; танцы казачьи, песни. Ну, например, /и он ловким движением достал откуда-то балалайку, заиграл на ней и запел, приплясывая/:

«Как у нашего соседа —
Весела была беседа.
Ой, люли, по-люли,
Весела была беседа!»

Пойдёмте к столу, а то ваш чай остынет, – пригласил капитан своего пассажира, перекрывая кошачье пение. – И выше голову, мой друг! Жить надо весело! – добавил ОН, когда они садились за стол.

А кот продолжал:

«Были гости дорогие —
Офицеры молодые.
Ой, люли, по-люли,
Офицеры молодые!»

А ну-ка, подпойте мне, – пританцовывая, крикнул кот Голицыну, – я же знаю, что вы – знаете!

Голицын согласно улыбнулся и сказал, – В следующий раз. Я сегодня устал.

Мессир подал коту знак рукой, тот смолк, учтиво поклонился и с достоинством ушёл.

Яркий свет тут же сменился – мягким интимом.

Как вам наш чай? – поинтересовался Мессир.

Отличный аромат. Тонкий, я такой люблю.

А теперь, обещанное, – и Мессир хлопнул в ладоши.

Появился кот, с сигарной коробкой, орехового дерева, в руках.

Теперь, и время, и место, напомнил Мессир обещанное им на кухне у Голицына, – Угощайтесь.

Кот открыл, перед гостем, коробку, и Голицын извлёк оттуда длинную и довольно толстую сигару. И по старой, ещё с детства, привычке, сразу же поднёс её к носу, и понюхал.

Какой божественный запах! – изумлённо воскликнул Голицын.

Ну, что вы, мой друг, совсем, наоборот, – в свою очередь, изумился Мессир.

Ах, да, – сначала не поняв, а потом, осознав в чём дело, виновато произнёс он, – просто, у нас – так привыкли говорить.

Привыкли, – недовольно передразнил своего гостя хозяин, – надо отвыкать. А то говорите, сами не знаете – что.

Кот звякнул золотой зажигалкой и высек пламя.

Голицын проследил, как обращается с сигарой капитан. А тот, обращался с ней очень нежно. Он, долго гладил её своими длинными утончёнными пальцами, нюхал, глубоко втягивая в себя влажноватый аромат её, и снова гладил. И Голицын проделал то же самое со своей

сигарой, после чего прикурил её от сверкающей золотыми зайчиками, в кошачьих лапах, зажигалки. Затянулся.

Боже, какой кайф! – изумился с новой силой Голицын.

Вы меня опять с кем-то путаете! – уже более укоризненно сделал свой посыл Мессир.

Простите, Мессир, но мы, так, привыкли выражать свой восторг, – с сожалением сказал Голицын. – Я ведь ожидал от сигары горькой крепости, думал, что закашляю сейчас, а тут – такое! Что же это за сорт? Кубинские, голландские?

И Голицын стал присматриваться к фирменной этикетке, надетой вокруг сигары. Присмотрелся и прочитал: «EJENY».

Я уже видел эту надпись на розовом мыле, в душевой, – сделал удивительное открытие Голицын

Да, – подтвердил Мессир, – это эмблема нашей фирмы, – и произнёс с французским прононсом, – «EJENY».»

@ @ @

Виталий отпрянул от экрана монитора. Снова закурил. И стал думать. «А может это простое совпадение» – успокаивал он себя. «Слишком невелика вероятность. Письмо с вирусом на мой электронный адрес пришло именно под этим именем: „EJENY“», – сказал он, убеждая самого себя. Он посмотрел на белеющий, в тени стола, лежащий на диване – модем, потом, на телефон, скрытый тьмою. «Боже, чуть не забыл» – всполошился он, – «Надо же сбросить на дискету файл „ДИТЯ“. Идиот! Как же я забыл-то?! Уже ж научен один раз!» И он потянулся рукой через пламя свечи, к полке, где лежали коробки с дискетами. Достал один коробок, нашёл в нём пустую дискету, и через «проводник» проделал операцию с копированием файла «ДИТЯ». После чего, облегчённо вздохнул, вложил дискету с копией файла обратно в коробок, и положил его на место. «Так что? Рискнуть? Попробовать выйти в Интернет? И переслать этот файл кому попало, пусть читают? А дальше – на их усмотрение? Можно послать по нескольким адресам. Надо сначала выйти в „Глобальную сеть“, а там, видно будет» – решил Виталий. «Была, ни была»!

Он закрыл папку с файлом «ДИТЯ». Включил модем, тот засветился. Щёлкнул мышкой по значку с телефонами – затрещал модем, отозвавшись ему, затренькал телефон – начал автоматически набираться номер провайдера. И уже было, установилась связь, как, вдруг, заверещал телефон, как сумасшедший, как в те разы!.. Как уже было! Виталий, в панике, не зная, что делать, под верещание телефона, стал выключать компьютер, в первую очередь, спасая его – как бы чего не вышло! За тем, он кинулся к проклятому телефону, и выдернул его шнур из розетки, упав на диван, и прислушиваясь – не проснулась ли мать, от этой «тревоги»? Но было тихо.

В эту ночь, он решил больше не включать компьютер, от греха подальше. Он перекурил это дело, собрал стол, и лёг спать.

Проснулся Виталий, как обычно, около полудня. Всё так же заварил чай, и подал его себе в постель, с уже приготовленной чёрной папкой, с колодой карт. Но сегодня была задействована следующая колода, и бросал он уже на двух крестовых дам.

Потом, всё та же зарядка, вторая чашка чая и сигарета с фильтром, у раскрытого окна кухни. И те же ревушие самолёты, но уже на устойчиво-синем небе. Осень пришла.

Покулив, он прошёл в свою комнату, включил телефон – он заверещал так же, как этой ночью. Поднял трубку – противные короткие гудки. Виталий в отчаянии плюнул сухим плевком, и выдернул шнур из розетки!

Ма! – крикнул он, через всю комнату, – надо опять Жорика звать. Я уже не знаю, что делать с этим телефоном.

Чего ты? – недовольно спросила, подошедшая к его двери мать.

Чего, чего. Телефон, говорю, опять сломался – Жорика звать надо.

Ты что, чокнулся?! Мне уже стыдно перед человеком!

Ну, а что я могу сделать?!

Иди ты – к чёрту, – и мать ушла в свою комнату.

У чёрта – своих до чёрта, – бросил он ей в след, передёрнувшись, и с некоторым опозданием.

У тебя-то телефон работает? – снова крикнул он через всю комнату.

У меня-то работает, – так же громко отозвалась мать, и добавила, – я над своим телефоном не издеваюсь, как ты – над своим. Он у меня всегда работает.

Виталий уже был не рад, что затронул её, но что было делать – Жорика надо звать.

Потом он разобрал стол. Помолясь, включил компьютер. Там открылся рабочий стол. Он долго и бессмысленно бродил стрелкой курсора по значкам, не зная, что ему выбрать. Его не влекла никакая программа. Он не хотел слушать никакие песни в своём исполнении, записанные в программе Sound Forge, и ни в каких транскрипциях и фоновых прибабасах. Он не хотел смотреть никакие свои видео клипы, сделанные в программах Macromedia. Наконец, он щёлкнул по «зелёному глазу» – и стал, безразлично, просматривать свои картины, одну за другой. И вот, на чёрном фоне экрана монитора, появилась его картина «ХУТОРОК». Он задержал её на экране. Увеличил. Ещё увеличил. Пошло искажение. Он чуть уменьшил масштаб. Всмотрелся в лицо убитой молодой вдовы, под левой налитой грудью которой, сверкала рукоятка воткнутого в неё ножа. Он вспомнил, что подвигла его к этому сюжету – старинная песня или, скорее, романс «... и с тех пор в хуторке уж никто не живёт, лишь один соловей громко песни поёт». Но тем «сором», из которого рождаются стихи, по словам Ахматовой, было нечто другое, нечто – нервно-щекочущее душу и подсознание. Убитая вдова застыла, сидя на лавке в своём доме, где принимала гостей. Её длинные, тонкие соблазнительные руки, хотя на ней и была белая блузка, с длинными рукавами, повисли, как плети. Крупные ноги её, под задранной чёрной юбкой, тоже расслабленно разошлись в стороны. А на тонком лице её – улыбка успокоения и благодати. Только зрачок её левого глаза, слегка повело в сторону убитого топором купца, сидящего теперь у стены под раскрытым окном, рядом с лежащим топором. А за окном встаёт летний рассвет и соловей на ветке рябины, под самым окном. А молодец, в красной рубахе, уходящий вдаль, виден в другое раскрытое окно. И по удаляющейся лихой спине его, видно, как до беспамятства страстно он любил эту молодую вдову.

Виталием овладело неудержимое желание вернуться к тексту романа, где он, как раз и остановился в прошлый раз – там разворачиваются события, которые чудесным образом переплелись с сюжетом этой картины, под ласковым и тёплым названием: «ХУТОРОК».

Он тут же закрыл «зелёный глаз», и открыл файл «ДИТЯ». Нажал на боковую стрелку, стал листать страницы. Они побежали всё быстрее, быстрее... Стоп. Вот оно:

@ @ @

«– Да, – подтвердил Мессир, – это эмблема нашей фирмы, – и произнёс с французским прононсом, – «EJENY». И тут же добавил, улыбаясь одним краешком губ, – А если бы вы были повнимательней, то увидели бы наш брэнд и на своей чашке. Или, во всяком случае, на моей.

Голицын поднял к глазам свою чашку и действительно увидел переливающуюся позолоту знакомых букв.

Спутники, какое-то время, молча курили, наслаждаясь чудесным ароматом фирменных сигар. Кот оставил их, подав на их столик хрустальную, с позолочённым волнистым ободком пепельницу. Мессир затянулся, в очередной раз, сигарой; со вкусом и с наслаждением пожевал во рту её ароматный дым и сказал, обращаясь к Голицыну:

Маэстро, пришло время вручить мне ваши рукописи.

Мои пьесы, что ли?

Что ли, – подтвердил Мессир.

Голицын, отложив сигару в пепельницу, взял свою сумку, с которой, почему-то не расставался нигде, на яхте; достал оттуда две красные папки-обложки, ещё с советских времён, предназначенных для вкладки официальных приветственных адресов, а теперь набитых до предела экземплярами его пьес, и передал их Мессиру.

Благодарю, – сказал ТОТ, и загасил свою сигару в пепельнице. – Ваша каюта напротив моей. Там всё уже готово. Разберётесь. – Он встал, взяв под мышку папки, и пошёл к своей каюте, находящейся здесь же, через дверь, по коридору. И уже у самой двери, он остановился, обернулся и добавил, – спокойной ночи. – И скрылся за дверью своей каюты.

Взаимно, – с опозданием произнёс Голицын, который, в свою очередь, загасив сигару, отправился к себе в каюту.

Каюта была как каюта. Со всеми удобствами. С десятью режимами освещения, висячей койкой, в золотом покрывале и двумя столиками: письменным и чайным, с пакетиками чая и экзотическим японским самоподогреваемым прибором. Последнее обстоятельство обрадовало Голицына, как большого любителя ночного чая. Он повесил сумку в шкаф, предварительно достав оттуда – свои сигареты. Послonyaлся по каюте. Вышел на палубу. Полная луна пугающе висела над их кораблём. Кругом царилa ночная тишина, и в этой тишине, вдруг, увидел Голицын, по правому борту – бесшумно плывущие им навстречу, и проплывающие мимо – огни большого теплохода. А оттуда — доносилось тихое пение под гитару: «Засыпает синий Зурбаган, а за горизонтом ураган...», в голицынскую грудь вселился тревожный трепет. „Грянет ливень резкий и косой, и продрогнет юная Ассоль...“ – продолжал песню тихий мужской голос, и увидел Голицын – там на палубе теплохода, высвеченную лунным светом, группу людей, сидящих за импровизированным столиком. „И опять понять не смогут люди, было это или только будет...“ Боже мой, – подумалось Голицыну, – да ведь это мы плывём на теплоходе „Михаил Шолохов“! Вон и я сижу там, под козырьком, в тени, закрываясь от назойливого света полной луны. А Фёдор поёт. Именно от него, я впервые услышал эту песню». «Два часа на часах, день ненастный не нашего века...» «Точно, – чуть не вслух воскликнул Голицын, – это же мы отмечаем мой День рождения, оказавшись, по долгу своей артистической службы, в эти дни мая на этом теплоходе! А вон и Сашка, и Марина, и Люба, с которой тогда уже не было никаких отношений, кроме служебных – она была там руководителем Культурной программы. Это мне сорок два или сорок три...» «Сгинет ночь, и день придёт иной, как волна приходит за волной, и проснусь я в мире невозможном, где-то между будущим и прошлым...» И огни теплохода удалились, и исчезли за поворотом реки, унося с собою и песню ту. Светлая печаль сменилась жутким одиночеством. Как это могло быть?! – с ужасом подумалось Голицыну. Он передёрнул плечами и перешёл в носовую часть. Там было не так одиноко. Там был виден боцман, несущий свою вахту, управляя яхтой, и лежащий на узком диванчике, у левого борта, кот. Иллюминация уже была погашена, и светили только сигнальные фонари.

Слева по борту Старочеркасская, – крикнул боцман, увидев Голицына.

И действительно – впереди, слева, на берегу виднелись редкие огоньки станицы или, теперь, города. А справа горел фонарь старочеркасского парома.

Бывшая столица Донского казачества, – прибавил боцман.

Да, да, – подтвердил Голицын.

А вот там, на повороте, в небольшом ерикe, в войну, баржу с зерном разбомбило. Так что, в мирное время, это стало отличной приманкой для рыбы и рыбаков. И весь правый берег, за поворотом, был занят рыбаками. А стояли там – уже мурые старики, знающие своё рыбацье дело на «ять». Каждый занимал, чуть ли ни пол километра береговой линии, расставив свои донки. И повесив на них колокольчики, чтобы, значит, было слышно, когда рыбаина взялась. Ну, шутка ли, такой разброс. Угу. Они—то все были – пенсионеры. А потому, стояли тут весь сезон, приспособив халабуды разные, шалаши, да. Так что, я тогда ходил здесь на своём бук-

сире и, иногда, захаживал к ним. Обознакомился помаленьку. А особенно с одним из них – Дмитрием Ивановичем. Он был более покладистый и понятливый мужик. Угу. Но чудак был в своём роде, да. Потом, когда я вышел на пенсию, то есть, был списан на берег, это в году шестьдесят втором – шестьдесят третьем, да, я тоже сюда повадился, и он уступил мне немного своего места, а мне много и не надо было, да. Вот оно, это место, – и боцман дал несколько гудков, а сам замолчал. – Да-а, – протянул он, – светлое место. Собирали вечером общий котёл, для ужина. С этой процедуры, можно было умереть. Деды все были прижимистые, и начинался торг. А надо сказать, они почти все были Ивановичи по отчеству. Ну, так сошлось. Угу. «Чтой-то ты Михал Иваныч, дюже маленькую жменьку крупы даёшь. Или ты сегодня не вечераешь – постишься?» – стал разыгрывать боцман по ролям. – А тот ему: «Да я-то вечераю, а вот ты, Иван Иваныч, видать – отдыхаешь. За твою чайную ложечку крупы, ты столовую ложку ухи не получишь. И я, ребята, серьёзно об этом говорю, и предупреждаю!..» – и поднимался такой серьёзнейший спор со скандалом, что не дай тебе Бог. И так, считай, каждый вечер. Я с них покатывался. Я ж как бы помоложе их-то был. Да ещё и новенький. Так они, хором переключались на меня: «А ты-то чего скалился, как ужа за пазуху получил?! Мы, Дмитрий Иванович, вообще не довольны твоим пассажиром! Чтoб ты знал. Подселил его у нас под боком, пригрел, как змею, у нас не спросив. А он вон ест в три горла, а в котёл-то с гулькин нос отсыпалить.» – А звали они меня «пассажиром», потому, что Дмитрий Иваныч сам меня так называл. Дело в том, что стоять-то стояли весь сезон, но ходить-то до дому надо было, хоть раз в две недели. Улов присоленный отвезти, да припасов съестных взять. А у меня своего баркаса тогда не было, и меня Дмитрий Иваныч с собой брал. А как брал, тут же начинал ворчать: «С этими пассажирами, ити иху мать! И так баркас перегружен» – ну и всё в этом роде. Так же, выходили с ним на его баркасе – на фарватер, на сома. Сам же попросит меня, а потом тут же начинает: «С этими пассажирами, ити иху мать» – и всё сначала Чудак был. И всегда в чёрной приплюснутой фуражке, с козырьком, надвинутым на самый его горбатый нос. А приспичит ему, в баркасе, по-маленькому сходить, а привстать он не может – живот перетянет, как вот у меня сейчас, да. Так у него алюминиевая кружка была, на все случаи – чаю ли попить, воды ли. Так он в неё и ходит, по маленькому. И тут же, пополоскав, воды с Дону зачерпнёт, и напьётся, из той же кружки. А как-то, ему приспичило побольшему сходить. А стояли мы на фарватере. И хорошо стояли – хорошего сазана ждали, поскольку, один у нас уже взялся, килограмм на семь. И сниматься с места не было никакого расчёта. Что делать?! Долго и мучительно он спускал свои штаны, потом, долго целился задницей – за борт, опасаясь, чтобы не свалиться туда, да. И, только, он пристроился, и затих, как выворачивает из-за поворота огромный теплоход с пассажирами, в основном – с туристами, конечно. А стоял солнечный день, туристы высыпали на палубу, стояли у борта, с фотоаппаратами да с биноклями – любуясь берегами тихого Дона. Да. А у него задница старческая, белая, как вот эта луна, что сейчас над нами. Я ему говорю: «Ну, Дмитрий Иванович, вовремя вы выставились – сфотографируют сейчас вашу задницу, и будет она красоваться в домашних альбомах по всему Советскому Союзу!» А он своё коронное: «Пассажиры, ити иху мать, и здесь от них покою нет!» А потом, уже дуясь, прибавил: «Ну, ничего, пусть полюбуются задницей донского рыбака. А то, где б они ещё такое увидели».

У Голицына на душе стало весело от рассказа боцмана. В нём было что-то своё близкое, знакомое ему по его же жизни. И он, с удовольствием, вдохнул в свои лёгкие – свежего ночного донского воздуха.

А ещё, слышишь, – обратился боцман к Голицыну, желая продолжить свой рассказ, – этот Дмитрий Иванович, надо сказать, был страстный рыбак. Бывало, сидим с ним в его халабуде – полдничаем или чай пьём. А сосед его слева – Михал Иванович, подметит это дело и кричит на весь берег сумасшедшим голосом, зовя: «Дми-и-итри-и-ий Ива-а-анович! Дми-и-итрий Ива-а-анови-и-ич!» – а над водой голос хорошо, широко разносится, да. И мой Дмитрий

Иванович, как угорелый, бросает всё, срывается с места, перевернув всё, что было под рукой и на пути его, выскакивает наружу, думая, что у него клюёт, но какая из пятидесяти донок, он сразу-то понять не может и отзывается кричащему, с такой же громкостью: «А-а-а?!» А тому того и надо было, и он, ему в пику, отвечает: «На-а-а!! Проверка слуха!» И Дмитрий Иваныч, проклиная Михал Иваныча, называя его «дураком» и «негодяем», матерясь и жалея уже о перевёрнутом им чае или ещё чего, возвращается в халабуду и, продолжая ворчать, садится на своё место продолжать трапезу. Я, буквально, давлюсь смехом, боясь, чтобы он этого не заметил. И что ты думаешь? Буквально, через пять минут – повторяется то же самое точь в точь. Я его уговариваю – не обращать внимания на зов соседа, но он – ни в какую, бежит как угорелый и отзывается тем же макаром. И слышит в ответ – то же самое. И всё повторяется вновь. И так понескольку раз за один присест.

Голицын покатился со смеху, упав на диванчик, у правого борта. Он долго не мог успокоиться – вновь и вновь представляя себе эту картину. Но, потом, он всё же насилу успокоился и обратил своё внимание на спокойно лежащего кота, напротив

Глянь-ка, да ты, кажется, и правда, Седя, – сказал он, приблизившись к коту, – у него была точно такая же чёрная пушистая шерсть, а самые кончики её были белые, как седые. – А сам подумал: «Почему кот, давеча, назвал именно такое число роз?»

А боцман, продолжив по инерции свою мысль, сказал, – Я Дмитрию Ивановичу говорил: «Вы бы, хоть для разнообразия, что ли, крикнули не „а“, а „что“»

И на это замечание, вдруг, ответил кот, – Он бы ему на это ещё похлеще ответил.

Голицын снова рассмеялся, отпрянув от кота, и сказал, – Нет, ты не Седя, ты просто – Седой! – И добавил, успокаиваясь и зевая, – ладно, пойду спать. Всем спокойной ночи.

Спокойной ночи, – ответил боцман.

И Голицын ушёл к себе в каюту. Он как-то свыкся со всем, что с ним происходит, и успокоился. Почему? Он этого не знал. Да и не хотел знать. Он устал от осознаний, от поисков истин, от мучений совести и всевозможных переживаний. Сейчас он плыл по течению, не смотря на то, что их яхта, в данное время, плыла против течения.

Уснул он быстро и крепко. Но часа через два проснулся. Не одеваясь, он вышел из каюты и, зачем-то, попробовал дверную ручку каюты напротив. Дверь открылась. Он вошёл на цыпочках в слабоосвещённую красным светом комнату. Поскрипывали растворённые дверцы шкафа. Голицын глянул туда. В шкафу весел капитанский китель с фуражкой и белая рубашка с брюками. И стояли белые парусиновые туфли. Мало того, на других плечиках – висела чёрная рубашка с брюками, и стояли чёрные модельные, с лакировкой, туфли. Не было в каюте, только, трости, её владельца и красных папок с пьесами Голицына. Постель Мессира была нетронута.

Незванный гость, так же, на цыпочках, вышел из капитанской каюты. Вернулся в свою, закурил. Надел брюки, вышел на палубу. Луны, как небывало. Но, зато, на небе сияла и, как бы, покачивалась, яркая Венера – вечная планета вечной любви. «Где-то между будущим и прошлым» – вспомнились ему слова песни и те – проплывающие мимо огни теплохода, и он – сидящий там же – на том, прошедшем мимо него же – теплоходе.

Голицын протопал босыми ногами на нос. Кот лежал на том же месте и, как всегда, было непонятно – спит он, или просто прикрыл глаза.

– Проходим первый шлюз, – доложил боцман Голицыну, как будто, тот был капитаном, – «Кочетовский гидроузел», – добавил он, поясняя свой доклад.

– О! До боли знакомые места, – весело воскликнул Голицын, – Кочетовка! Как же! В шестьдесят девятом или семидесятом году, я здесь был на колхозных работах, от училища. Виноград собирали, – пояснил радостный Голицын. – И как-то вечером, сидели мы у костра, вон там, на том берегу, указал он на правый берег, который был сейчас по левый борт их судна, – сидели, пели песни под гитару. Ну, я видел, что мимо прошла баржа, большая баржа

прошла, с этаким шипом проскользила. Но мало ли шло мимо всяких барж. Мы бы и не обратили внимания.

Но рядом, по берегу стояли рыбаки. Они тихо так стояли, ловили на донки – их и не слышно было. И, вдруг, они как заорут, в один голос! Мы понять ничего не можем. Повскакивали и смотрим на них как бараны на новые ворота. А они орут и машут руками в сторону прошедшей баржи! И тут, слышим – на плотине стрельба началась. Вот здесь, вот, где мы сейчас. И, вдруг, страшный удар металла об металл, сине-белые искры, скрежет стали и тишина. И вода в Дону стала заметно спадать.

Боцмана, в это время, отвлекла береговая служба, по громкоговорящей связи, какими-то, специфическими фразами и тот перекинулся с ними такой же парой фраз, по такой же громкоговорящей связи. Их яхту подняло на заметно более высокий уровень, и она пошла далее – в свободное плавание.

И боцман, тут же вступил в разговор с Голицыным:

Вон ты о чём! Так я тебя сейчас обрадую – я стоял в тот вечер здесь, среди этих рыбаков! Вон там, – указал он левой рукой на правый берег реки.

Да вы что, серьёзно?!

Хэ, спрашиваешь. Я в те времена сюда ходил рыбачить. У меня же уже был свой баркас, да. Мы баркасы свои оставляли ниже плотины, под присмотром. А сами забрасывали донки – выше плотины. Здесь и стояли. А баржа та была «сотка» – огромная – вся, под завязку, гружёная лесом, и шла она полным ходом.

Точно – с брёвнами она была. Мы рано утром проснулись специально, чтобы посмотреть. У меня даже есть фотография – мы тогда сфотографировались на фоне этой остановившейся баржи, за пробитой ею плотиной.

Да. Капитан пытался остановить баржу, когда понял, куда они прут... Слышал же грохот цепи, брошенного якоря?

Да-да, точно – было такое.

Вот. Но было уже поздно. Ему не дали лоцмана в Волгодонске. А он сам – капитан-то, ходил здесь лишь один раз и то – весной – при разливе. И тогда они так и шли – прямо поверх плотины. Я, потом, интересовался у ребят, в нашем Управлении. Ну что, крайнего, конечно, отыскали, кого, правда, не знаю. Усть-Донецкий же порт стал – вода сошла. Но здесь им помудыкаться пришлось. С плотиной-то. Я представляю. Её ж строили пленные немцы, ещё с Первой мировой. Теперь же таких стандартов нет. Не знаю, как они тогда выкручивались. Строители, я имею в виду.

Да, понятно. Надо ж, какое совпадение – сошлись два свидетеля одного события, не знавшие, до того, друг друга. Прямо странно, – сказал Голицын, обхватив себя руками, и зябко передёрнувшись.

Светаёт, – сказал боцман, заметив дрожь своего собеседника.

Восток, и в самом деле, начал заметно светлеть.

Да. Пойду. Замёрз, – с дрожанием в голосе сказал Голицын, и пошёл в каюту.

С палубы был виден ещё тёмный край западной стороны неба и Венера, довольно быстро перешедшая на эту сторону небосклона.

Проходя мимо каюты Мессира, Голицын приостановился, но заходить туда больше не решился. Он вошёл в свою каюту. Взял в руки пачку сигарет, но курить не стал – не хотелось его лёгким заглушать свежий речной воздух – удушливым дымом.

Голицын выключил свет, и лёг спать.

Проснулся он, когда дневное солнце уже во всю светило за отшторменным иллюминатором. «Крепко же я спал» – подумал Голицын. И в эту самую минуту, он услышал шум за дверью: тяжёлый топот чьих-то ног, звон какой-то разбитой посуды, протяжно рыкающие крики боцмана и, снова топот мимо его дверей. Голицын осторожно выглянул в коридор, но там

никого не было. Тогда он, как был, в трусах, вышел на палубу и, сразу же услышал страшный шум внизу, в той части судна, где он принимал душ. Но едва он подошёл к лестнице, ведущей вниз, как чуть не был сбит с ног, вылетевшим от туда котом, который панически заорал длинное: «Мя-я-а-ау!» и затычным прыжком, великого футбольного вратаря Льва Яшина, оттолкнувшись от левого борта всеми лапами, он взлетел, и исчез куда-то в район носа. Вслед за котом, громко стуча сандалиями, на босу ногу, по лестнице, снизу, вздымалась фигура боцмана Дули, одетого в тельняшку, и цветастые семейные трусы. Увидев Голицына, боцман зарычал, тяжело дыша:

Где он, подлюка?!

Что случилось? – спросил Голицын, прижавшись к твёрдому «телу» корабля.

Где он?! – повторил свой вопрос боцман.

Кто? – глуповато спросил Голицын.

Ну не я же! – гаркнул боцман, – ко-о-от, сукин сын, кто же ещё?!

Голицын подуспокоился, поняв, что кот просто чем-то нашкодил.

Да вы успокойтесь, он этого не стоит, – стал успокаивать разъярённого боцмана Голицын, – а что, собственно, он сотворил?

Он, сволочь, провонял весь кубрик!

Как провонял? – смутился Голицын.

Да ты понимаешь, – стал рассказывать боцман, – я собрался отдыхать, после ночной вахты-то, да. Чувствую – какие-то запахи непонятные в воздухе витают. И покою от них нет. Я сначала не понял. Стал искать, что же это могло быть? Рыба ни рыба, духи ни духи... Слушай, – вдруг прервал свою прежнюю мысль боцман и вытаращил свои глаза-дули на Голицына, – да ведь он, подлец, дюжины две! баб раздел! Причём, бельё-то совсем ещё свежее... в смысле – ещё тёплое, то есть, я хотел сказать – запах ещё свежий. Как бы, не выветренный ещё. Где ж это он, а?? Кого ж это он??

Голицын вспомнил свадьбу на Базе отдыха и расхохотался.

Не волнуйтесь, боцман, они сами ему отдали, я свидетель.

Значит – объегорил, – сказал боцман со знанием дела. – Ну, мне дела до того нет. Так он, подлец, не хочет выбрасывать это. И выносить никуда не желает. Убью! – заключил боцман, и зашагал вдоль борта – в носовую часть лайнера.

Голицын последовал за ним, и увидел, что их яхта стоит на приколе, бросив якорь не далеко от причала какого-то небольшого городка, расположившегося на высоком берегу

Дона. Было что-то около полудня, судя по солнцу. Близко к берегу домов не было. И на берегу не наблюдалось никакого движения.

Я тебя последний раз спрашиваю, – говорил боцман, задрав голову на сидящего, на самом верху, кота, – ты будешь выбрасывать эту дрянь?!

Кот же, упрямо молчал, жмуря свои глаза полные безразличного презрения.

И в это время, на своём мостике появился капитан. По полной форме – в кителе и фуражке, и, конечно же, в своих зеркальных очках.

Добрый день, господа, – приветствовал он свою команду и пассажира. – Боцман, почему бодрствуете? Почему не отдыхаете? – и, не дав боцману объясниться, тут же сказал, – не порядок

Слушаю, – прохрипел боцман и удалился прочь.

А вы, Седой, вы получили задание? Выполняйте.

Жду случая, – нагло ответил кот.

И тут же, рядом с яхтой появился идущий к берегу баркас. Кот ловко прыгнул на борт, а оттуда прямо в баркас. Тот пристал к берегу, уткнувшись в него носом. Кот спрыгнул с баркаса на берег и побежал в гору. Хозяин баркаса – мужик в выцветшей клетчатой рубашке,

с длинными рукавами и баба, с повязанным на голове белым платком, и не шелохнулись в сторону кота, а занялись своими корзинами полными красных помидор.

Как ночевали, Пётр Григорьевич? – спросил капитан, кривя улыбку.

Спасибо. Хорошо ночевал.

Вы скорее дневали, чем ночевали. Но, таков удел художников, я понимаю.

Прошу извинить, капитан, я не одет, – опомнился пассажир, пойду, оденусь.

А искупаться в Дону не хотите? Здесь река намного чище, чем у вас в Ростове. Смотрите, какая прозрачная вода – песок на дне виден.

Голицын подошёл к борту, заглянул за него. Вода и правда была чиста и прозрачна, она манила в свою прохладную свежесть, припечённое солнцем, тело Голицына. Тело, которое истомилось духотой его «кельи», за все эти последние годы его «монашеского сидения», истомилось вот по такой, вольно бегущей реке, вольному солнцу над ней и такому же вольному ветерку, ласкающему сейчас – это его тело.

– Я знаю, вы, последнее время, привыкли «не искушать Бога», хотя, должен заметить, что ваши познания – о моём искушении МЕССИИ, примитивны. Но не будем сейчас об этом. Я, просто, хочу сказать, что раньше вы просто боялись прыгать с высоты в воду, и, вообще – просто боялись высоты, а теперь, видите ли... Но да ладно, – прервал свои рассуждения Мессир, – с того борта спущена лестница, можете плавно спуститься в воду, как вы предпочитаете, – снисходительно улыбаясь, сказал ОН.

Но Голицын, глянул на НЕГО, тоже улыбаясь, стал босыми ногами на борт, набрал в лёгкие воздуха, спружинил, и прыгнул в воду, вниз головой.

В воде, он заставил себя сделать ещё одно, чего раньше, почему-то, боялся – он открыл глаза. Открыл, и увидел через её прозрачность – Мессира снявшего свои зеркальные очки, и смотрящего на него своими застывшими и разного цвета, как показалось Голицыну, глазами. Причём, один из ЕГО глаз проваливался глубже в глазную воронку, и никак не отражал свет, чего нельзя было сказать о другом глазе, сверкавшем солнечным отражением от колышущейся водной глади.

Голицын долго купался. Что называется – допался. Он прыгал в воде, отталкивался от яхты и плыл. Возвращался к яхте, кувырвался, и снова прыгал, чего-то, весело крича, и, смеясь неизвестно чему. Когда же он поднялся, по упоминаемой капитаном, лестнице – на яхту – там уже никого не было. Тогда он пошёл на палубу и, расставив руки в стороны, и задрал лицо к солнцу, стал обсыхать. Но такая поза его быстро утомила, и он стал искать более подходящий вариант обсушки. И нашёл – складную, очень удобную тахту, с белым покрытием из какой-то тонкой кожи. Разложил её на середине палубы и лёг на неё, животом к солнцу. И ему было хорошо. Но не долго. В голове стали роиться мысли... «Опять – мысли. Ну, нигде нет от них покоя!» – разозлился он сам на себя и на свои мысли. И тут, одна из этих мыслей, где был баркас с мужиком и с бабой, и с их помидорами, вдруг осенила его – и привела прямо к прозрению: «Да ведь это!...» Он открыл глаза, вскочил на ноги, и огляделся «окрест себя». «Точно, это та самая станица.

Или теперь – город? Их не поймёшь. Короче, это – оно самое. Да-а, чудеса-а. Как же это я сразу-то не узнал, не догадался? Мессиру – ни слова».

Что это вы, как будто встревожены чем? – услышал он голос Мессира за своей спиной.

Нет, ничего. Не встревожен, – ответил Голицын, как нашкодивший школьник, учителю по физкультуре. И делово подбоченясь, произнёс, – Вот, люблюсь здешним ландшафтом.

Ну, и прекрасно. Я вижу, вы освежились, и готовы к приёму пищи, – так же делово произнёс капитан. – Сейчас пойдём завтракать. Идите, одевайтесь, и кот отведёт нас на квартиру.

На какую – «на квартиру»? – настороженно удивился Голицын.

На хорошую, – в пику ему ответил капитан. – Знаете, остановиться в таком сермяжном казачьем поселении и столоваться на судне, это – кощунство.

Но у меня не обсохли трусы, извиняюсь! Куда же я пойду?!

Ерунда, у нас на судне сушка. Она и высушит, и выгладит – моментально. Отдайте ваши трусы коту – он знает. Через пятнадцать минут, я жду вас у трапа, – и, круто развернувшись, командирским шагом он отправился в носовую часть корабля.

Голицын, задумавшись, пошёл в свою каюту. «Отдать трусы коту» – думал он. «А где его, чёрта, искать? Нет, я сниму трусы, заодно – выжму их, надену брюки, а потом – позову кота. Покиськаю его» – и с этими думками, он вошёл в свою каюту, и обомлел. У шкафа его каюты сидел котик, поспешно разбирающий разноцветное женское нижнее бельё, укладывая его в какую-то коробку.

Тс-с, – тсыкнул кот, увидев глаза вошедшего хозяина каюты, и приложив правую лапу к своему рту, – не выдавайте меня. Вы человек понятливый, а не то, что этот боцман – хамло. «Дря-а-ань», – передразнил он боцмана, – да что он может вообще понимать в этих тонких женских штучках?! Я вас умоляю, пусть всё это – пока побудет у вас, – и он закрыл наполненную бельём коробку, и засунул её в дальний угол шкафа. – Фу, аж вспотел от волнения, – сказал облегчённо кот, закрыв дверцы шкафа, которые смачно чмокнули своими присосками, и сел на задние лапы.

А боцман что, спит? – спросил растерявшийся хозяин каюты.

Спит. Храпит, аж бульбухи отскакивают!

Ну, вот что, – замаявшись, произнёс Голицын, – я сейчас отдам тебе свои трусы, поскольку у меня нет сменных, а ты должен их быстренько просушить.

Нет проблем, – моментально отозвался кот, и вставил, – но насчёт моей коробушки мы договорились, я так думаю?

Договорились. – И Голицын взялся за резинку трусов, – не смотри на меня, – сурово сказал он коту.

Ой, ой, ой – напугал бабу яблоками, – сиронизировал кот, и протянул свою лапу в сторону Голицына, чтобы получить в неё его трусы.

Руки бы вымыл. То есть, лапы.

Какие проблемы, – кот понюхал кончики своих лап, с удовольствием полизал их, снова понюхал, и получил от голого Голицына его мокрые трусы.

Через пятнадцать минут они были в носовой части, уже снявшегося с якоря, и подошедшего к причалу корабля. Кот, спрыгнув на причал, умело закрепил концы, так же умело брошенные ему капитаном. И они сошли на берег.

– Ну, Сусанин, веди, – сказал Мессир коту, изящно поигрывая тростью.

И кот побежал впереди.

Они повернули от причала налево, и пошли по дороге, вдоль Дона. «Точно, – подумал Голицын, – вот то место, среди островка редких деревьев и кустарников, где я оборвал все свои донки, и где Светлана Николаевна чуть не набила морду ни в чём не повинной женщине в купальнике, которая, отойдя от двух своих мужиков, со стаканом вина, хотела у меня поинтересоваться, „как клюёт?“. Но не успела. На неё бедолагу, так налетела та, что за малым не сбросила её в Дон, вместе с её стаканом расплескавшегося вина. А за всейэтой сценой „пламенной ревности“ – наблюдали местные огородники, приплывшие на своих баркасах с той стороны Дона, и, аккуратно, в это время, выгружавшие с баркасов, собранные с задонских огородов помидоры, в вёдрах да корзинах. Точно – ещё раз подтвердил он себе свои воспоминания».

Троица свернула направо, и пошла в гору.

«И я, быстренько собрав свои снасти, с горящим от стыда лицом, отправился на нашу квартиру, а точнее – во флигель, который мы сняли тогда, на неделю. Точно. Вот, это железное, с позволения сказать, кафе, мимо которого я ходил на реку и обратно. Вот, этот старинный, развесистый тополь, на углу. А вон – на горе – и дом, с одинокой, ещё молодой, так взвол-

новавшей моё воображение, хозяйкой. Но который именно дом, из этих, второй ли, третий,.. я сейчас и не вспомню» – снова думал Голицын».

А в это время, кот подвёл их к калитке одного из этих домов, про которые думал, сию минуту, Голицын.

Не бойтесь, – сказал кот и толкнул калитку лапой, – собак здесь нет. – И первый прошёл в приоткрывшуюся калитку.

Прошу, – и Мессир ткнул калитку концом своей трости, и та распахнулась перед Голицыным.

Спасибо, – настороженно поблагодарил он Мессира, и прошёл во двор. И увидев, в глубине двора, маленький деревянный флигель синего цвета, запылал лицом.

А из самого дома, который был прямо перед ними, на его низкие ступеньки, вышла босая хозяйка. И лицо Голицына запылало с двойной силой.

Здравствуйте, хозяйюшка, – приветствовал её капитан, приподняв за козырёк свою флотскую фуражку, – вот, хотим заночевать у вас – странствующие рыцари. Не откажите – приютите.

Здравствуйте, рыцари, – ответствовала та своим мягким бархатным, как южная ночь, голосом, и улыбнулась во всю ширь своих молочно-кремовых зубов, образовав на щеках своих, те самые – неповторимые, полные насмешливой загадки, ямочки. Чёрные очи её, в которых играло и тонуло солнце, внимательно осмотрели, просящихся на ночлег рыцарей. – А котик, что ли, ваш? – поинтересовалась она.

Котик наш, – подтвердил капитан и добавил для верности, – корабельный кот.

Угу, – чуть наклонив голову, с гладко забранной на затылок, причёской, густых чёрных волос, и спрятав улыбку в левый уголок рта, согласилась она с объяснениями капитана. – Знаете, скажу честно, – продолжила она, поставив правую ногу на носок сзади левой и согнув её в колени, – по нынешним временам, я бы вам отказала. Но, вот, их, – и она искоса взглянула на Голицына, – я знаю. Они когда-то останавливались у меня, и жили вон в том флигеле. Но почему-то молчат.

Так это он и привёл нас сюда, – нашёлся Мессир, – просто он стесняется. Время же прошло.

Да, – опомнился Голицын, – я был у вас с одной дамой, – повесил он последнее слово в воздухе, – здравствуйте, – и он склонил свою «повинную» голову, и вдруг взял её руку, и поцеловал лёгким прикосновением губ, и, отпустив её руку, стал, чуть ли не по стойке «смирно».

А я так и знала, что она вам не жена, хотя и представлялась ею. Так, значит, теперь вы с другом решили?

Да, – протянул Голицын, не зная как сказать, – с друзьями, – попытался он сделать беспечное восклицание.

Так с вами ещё кто есть? – подняв дуги своих густых бровей, полюбопытствовала она.

С нами ещё боцман, – вмешался капитан, – но он будет, в основном, на корабле.

Угу, – плавно и медленно покивала она головой. – Ну, проходите во флигель, там открыто, осмотритесь. Он вам подскажет, – указала она глазами на Голицына, – если что. Там ведь ничего не изменилось.

И они пошли во флигель. Котик уже ковылял туда первым. «А она ещё больше похорошела. Прибавила в годах, конечно, но это, её женскому имиджу, на пользу пошло.

Наверно замуж вышла» – думал Голицын, идя к флигелю последним. Он оглянулся – она искоса смотрела им в след. И он быстро отвернулся, и его лицо вновь загорелось, и голова пошла кругами.

Что ж это вы, – громко заговорил Мессир, осматривая низенький флигель изнутри, – скрываете от своих друзей, что уже были в этой станице постояльцем?

Не успел, – буркнул Голицын и присел на то место у маленького окошка, в сенях, где он когда-то любил сидеть, попивая чай, и облокотясь вот на этот скромный столик, застеленный всё той же синенькой клеёнкой.

Ну, что ж, – так же громко сказал Мессир, осмотрев помещения, и отряхивая руки, ладонь о ладонь, – это, конечно, не Рио – де – Жанейро, как говорил один мой хороший знакомый, но мне здесь нравится. – И он обратился к коту, сидящему перед ним на задних лапах, – молодец, Сусанин, история и Я вас не забудем. А теперь, ступай на корабль, и приведи сюда боцмана. И ещё – скажи боцману, чтобы он захватил две красные папки с их содержимым, лежащие на столе в моей каюте, и принёс их сюда. Выполняй.

И кот, облиставшись, и сказав: «Мяу», переходящее в урчание, встал на четыре лапы, и посеменил из флигеля, скрывшись за его приоткрытой дверью.

Вошла хозяйка, со стопкой пастельного белья в руках.

Ну, как, осмотрелись? – спросила она со скрытой улыбкой, в уголках её губ.

Осмотрелись, и нам понравилось, – сказал, не мешкая, капитан.

У меня здесь три койки как раз. Если вас, конечно, не больше.

Нет, нет, не больше, – уверил её капитан.

Я вам сама постелю и заправлю постели. Так полагается. Да так и вам приятней будет, – сказала она, улыбнувшись, и мельком взглянув Голицыну в глаза.

И, пройдя в ту комнату, где стояли кровати, стала стелить постели. В дверном проёме, между сенями и комнатой, дверей не было. И Голицын видел в этот проём, иногда появляющиеся фрагменты крупной упругой хозяйкиной ноги под колышущимся, и поднимающимся, при её наклоне, коротком сарафане, подол которого был отделан широкой лентой крупноячеистых рюш..

Теперь не время, конечно, – с неловкостью произнёс Мессир, посылая свою неловкость, громким звуком, в их будущую спальню, – но лучше поздно, чем никогда. Вас как зовут-то?

Меня зовут – Зоя, – сказала она своё имя округло и нараспев, – А вас как кличут?

Меня зовите просто – капитан. А моего друга, зовут – Пётр, если вы забыли.

Я-то не забыла, а вот он, видать, забыл, раз вам-то не назвал меня.

А мы и не спросили, не успели, – сказал и тут же наступил на свои слова Мессир, начав новую свою мысль, – так вот, Зоя, у вас найдётся, чем нас покормить, в смысле – домашней еды? А мы вам за всё заплатим, сколько скажите, – и он застыл, в ожидании ответа.

Господи, какая там плата. Что мы, на этом зарабатываем, что ли.

А на чём же вы зарабатываете? – спросил Мессир, сдвинув брови, после предыдущего её ответа.

Ну, у людей огороды. Да мало ли – кто как приспособливается. Лично я – шью. То есть – портняжничаю.

На дому?

Ну, а где же! Обшиваю своих сельчан. Женщин, конечно.

А налоги платите?

Голицын вонзил свой жуткий взгляд в Мессира. Но Зоя ответила капитану очень даже весело:

Ха-ха, если нам ещё и налоги платить с этих копеек!.. Тогда пусть нас всех и вовсе закроют – забьют досками, крест на крест, как в войну, и напишут: «все ушли на фронт». А сами – улетим куда-нибудь – на Марс.

Анекдот был такой, ещё в Советское время, – встрял Голицын, – собрал председатель колхоза общее собрание колхозников и говорит: «Товарищи, наш колхоз перевыполнил план по сдаче зерна государству, и нам прислали из центра большую премию. Так вот, у кого будут какие предложения – на что нам истратить эту самую премию?» Ну, тут поднялся такой гвалт предложений!.. Кто говорил: «давайте построим детский сад», кто: «школу», кто-то предлагал

«поделить эти деньги на всех». В общем, до драки дошло. И только один сидит, и спокойно держит руку вверх – колхозный сторож дед. Кузьма. «Тихо» – крикнул председатель, зазвонив в колокольчик. Собрание смолкло. «Вот, дед Кузьма хочет сказать своё предложение. Он человек старый, с богатым жизненным опытом, послушаем его. Говори дед, что ты предлагаешь?» Дед встал и говорит: «А давайте, на все эти деньги накупим дихты, построим аэроплан, и улетим к едрени матери».

Она снисходительно посмеялась, и сказала, – Вот, вот.

Пойду, полюбуюсь видом на море, – всё так же громко сказал Мессир.

Отсюда моря не видать, отсюда, только Дон и видно, – с грустинкой в голосе проговорила она.

А вот мы поглядим, – и с этими словами Мессир вышел вон.

Во флигеле наступила напряжённая тишина.

Голицын зашуршал своей сумкой, открывая её замки, и ища, растерянной рукой, сигареты. Наконец, нашёл. Закурил.

Ну, вот, – сказала она, выйдя из комнаты в сени, и поправляя гребень, у закрученной на затылке, широкой косы, – ваши кровати и готовы. Можете уже и отдыхать.

В тесноте этого флигеля и этих сеней, она возвышалась над ним как гора

Спасибо, – поблагодарил он, боясь поднять на неё свои глаза.

И снова стало тихо. Даже не было слышно их дыханий. Замерло всё вокруг них и в них самих. И в этой нервно-паралитической тишине – пахло запахом её тела – это был запах степных трав, распаренных полуденным солнцем, перемешанный с запахом парного молока и женского, эфирно-лёгкого запаха утреннего пота, натомлённого за ночь, в одинокой свежезастеленной постели.

«Нет, она не замужем» – промелькнуло у него в голове.

Вы, Пётр, свои носки забыли здесь – под матрасом. Я их выстирала и сохранила. Заберёте потом. Пойду на стол собирать.

И она вышла. А у него кровь прилила к голове. Ему пришло на память, как он вспомнил об этих носках – потом, по приезде домой. И какой он выдержал скандал от Светланы Николаевны, которой он рассказал об этих дурацких, забытых носках. И как та, заподозрила его в намеренной забывчивости, что он специально забыл свои носки у этой вожделенной до мужского пола, развратной женщины. С чего она черпала свои выводы и насчёт забытых носков, и насчёт вожделенности этой женщины, он тогда понять не мог.

Не было к тому никаких видимых причин. «Всё же у баб есть какое-то особое чутьё» – резюмировал он и, переведя дух, встал, и вышел во двор – на воздух.

Капитан сидел на самом высоком месте двора, возвышаясь над флигелем, у забора, на табурете, нога на ногу, и любовался донскими просторами.

И вдруг вонзились в голову Голицына тысячи острых иголок. И так ясно вспомнился ему тот поздний тёплый летний вечер, когда он сидел вот на этом самом месте, где сидит теперь Мессир. А тогда, рядом с Голицыным сидели Зоя и Светлана Николаевна, и тихо говорили о чём-то друг с другом. Он же – Голицын бездумно смотрел вдаль – в дышащую свежестью темноту бескрайнего задонья. Но потом, он поднял глаза в усеянное звёздами небо, и увидел летящую, среди них, звёздочку. Сначала-то он просто смотрел на неё, как на летящий очень высоко в небе самолёт. Но потом, вдруг, осознал, что скорость-то была необыкновенно быстрой. И не успел он тогда и подумать об этом, как звёздочка та – остановилась, и как бы подморгнув ему, так же быстро полетела дальше, и скрылась, за заборами и домами, что чернели у него за спиной.

Голицын очнулся от воспоминаний, и огляделся.

Мессир сидел на том же месте, и молча любовался задонскими просторами, как ни в чём не бывало.

Хозяйка у своего дома мыла овощи.

Открыв калитку, вошёл боцман, с прошмыгнувшим, впереди него, котом.

О-о! – заорал боцман с порога, – колодец! Какая прелесть. Я страшно хочу пить! Мне во сне снилась колодезная вода!

Это не колодец, – разочаровала его хозяйка.

А что же это? Я же вижу – это колодец.

Да, по форме, это колодец. Но в нём донская вода, набранная туда в ночь на Крещение.

Как это? На какое крещение? – недоумевал боцман.

На Крещение Господне – девятнадцатого января, – пояснила хозяйка, – но вода очень чистая, свежая и холодная, попробуйте.

Голицын уже знал эту историю о воде, и только улыбался, наблюдая за боцманом. Мессир же делал вид, что вообще ничего не слышит. Боцман отложил в сторону, мешающие ему, красные папки, открыл створки «неколодца», с грохотом спустил в его глубину пустое ведро, привязанное верёвкой на круглый брус с рукояткой, и стал обратно крутить рукоятку бруса, наматывая на него верёвку, и таща из глубины полное ведро воды. Вытащив ведро, и расплещивая из него воду, боцман приложился к нему губами, и стал пить большими жадными глотками.

А-а-а, – довольно зарычал боцман, отпав от ведра, – какая прелесть! – и не долго думая, он окатил себя водой из ведра, как был – в белой сорочке, с головы до ног, – ничего, высохнет. Лето на дворе, – успокоил он всех и самого себя. И снова обратился к хозяйке, – Здравствуйте. Будем знакомы – боцман Дуля, – и он поклонился хозяйке. – А вас, простите, как зовут?

Зоя, – ответила та, занимаясь овощами.

Так вот, Зоя, у вас отличная колодезная вода!

Эта вода, из Дона набранная, – снова пояснила ему Зоя.

Не смешите меня. Я старый донской волк и я-то знаю, что такой воды в Дону давно нет.

Так – нет. А на Крещение, она – такая. Вот – на Крещение, мы и нанимаем водовозки, которые, всю ночь и день, закачивают в свои цистерны воду с Дона, и развозят по дворам, заполняя наши земляные цистерны, – подробно описала она боцману всю Крещенскую водную процедуру.

И она весь год вот в такой сохранности и остаётся?! – не унимался тот.

Да, – коротко ответила она.

Вы, боцман, лучше бы помогли Зое, по хозяйству, – раздался издали голос капитана, – не забывайте, что вы ещё и корабельный кок, на судне Кука, – разбавил он лёгкой шуткой своё указание.

Слушаю, капитан. Всё будет в ажуре, – потирая руки, ответил боцман.

А, куривший у флигеля Голицын, обращаясь к Мессиру, сказал, – А чем вы будете с хозяйкой расплачиваться? Своими фальшивыми купюрами?

Но если нам больше не чем расплатиться, – тонко съязвил ТОТ, – мы найдём нефальшивые деньги. Хотя, все они, в сущности, ничего не стоят. Игры без них нет. – И на этих словах, ОН подал, сидящему перед НИМ, на задних лапах коту, какой-то непонятный знак рукой, с перстнем на безымянном пальце, и кот, мяукнув, с места пустился «вскачь», лихо перепрыгнул забор у калитки, и исчез за ним.

Часа в четыре они сели обедать. Стол накрыли во дворе, за флигелем, в маленьком фруктовом саду, под вишней. Здесь была тень и отсюда, с высоты, хорошо был виден Дон с его низким пологим левым берегом. Козырным блюдом стола был парующий в тарелках, со своим специфическим домашним ароматом, борщ. Огромная эмалированная чашка салата из нарезанных свежих помидоров, огурцов, зелёного лука, присыпанного свежим укропом и петрушкой, и заправленного пахучим подсолнечным маслом, стояла в центре стола. Рядом, лежало блюдо, с горой красных сваренных с высушенным укропом, раков. А с другого края, стояла

большущая сковорода полная жаренной румяной картошки, рядом с которой, была такая же большая тарелка с мелкой хорошо прожаренной разнорыбницей. И ко всему этому, хозяйка принесла запотевшую – из холодильника бутылку «Московской» водки, и поставила её в самый центр стола. Бутылку распечатал боцман, который и наполнил стоявшие на столе гранёные стопки. Он же и произнёс первый тост

Ну, за хорошее знакомство и со свиданьем!

Все чокнулись стопками, и выпили. Кроме Голицына.

А вы, всё также – не пьёте? – спросила Зоя, севшая рядом с Голицыным.

Не пью, – скучно ответил тот.

А ваш борщ – из мозговой косточки? – поинтересовался Мессир.

Точно, – ответила хозяйка, взглянув на капитана, – а вы, видать, разбираетесь в борщах, чего по вам не скажешь.

Приходится, – пожаловался капитан, – по долгу службы.

А-а, ну, да, – согласилась Зоя. – А что это вы всё в очках, больные, что ли? – ещё одним обстоятельством поинтересовалась она.

Что ли, – подтвердил её догадку капитан.

Боцман «рубал» борщ, не отрываясь ни на миг от своей тарелки, втягивая его из ложки в рот, таким громким звуковым сопровождением, что переговаривающиеся, в это время, за столом, с трудом слышали друг друга.

А Голицын, посматривал, то на красных раков, то на Зою, искоса. Эти раки изображены на его картине «ХУТОРОК». Они рассыпаны там по полу, поскольку, стол был перевернут, и эти красные раки выполняли у него роль крови, которую он не хотел рисовать. И ещё там был расколотый и растоптанный ногами красный арбуз.

Эх, жаль, что арбузы ещё не подошли! – громко воскликнул капитан.

Голицын вздрогнул.

Да, – отозвалась хозяйка, – арбузы ещё не спели. Рано им ещё.

Голицын посмотрел на налитую ему стопку. Слегка наклонился над ней, но так, чтобы никто не заметил этого, и понюхал её содержимое. Пахло знакомым запахом водки. «А что» – подумал он – «Что если развязать себе руки? Вот, рядом сидит та самая Зоя. Значит, это судьба меня ведёт? Подарки мне преподносит, а я».

И тут, в голове его ударили глухие литавры, всё, реально окружающее его, исчезло. Голова наполнилась тускло красными точечками. Из них выплыла живая картина двора перед жёлто-грязным трёхэтажным домом. Во дворе стоит машина «скорой помощи». Из углового подъезда этого дома выходит он – Голицын, а за ним два санитары, в белых халатах. Он заходит в кузов «скорой помощи», а рядом с ним женщина. Но она уже не рядом, как ему кажется, она уже около – она, просто, сопровождает его. В нос ему ударил противный, ещё не совсем обозначившийся, незнакомый запах незнакомой больницы. Но вот, в голове его что-то щёлкнуло, картина с красными точечками рассеялась, перед лицом его была рука Мессира, с золотым перстнем на безымянном пальце, со сверкающим бриллиантом внутри. Рука щёлкнула средним пальцем о большой палец и удалилась.

Мессир стоял, возвышаясь над столом, и говорил, обращаясь к хозяйке:

Зоя, но хоть вы на него повлияйте! Водку не пьёт, женщин любить перестал, а в результате – перестал любить жизнь. Ну, что это за жизнь?!

И Голицын заметил, что лицо Мессира страшно напряжено, оно стало белым, как мел. Он, явно, с чем-то или с кем-то невидимым боролся. И, видимо, проигрывал, потому что от него сквозило злом. Но ОН быстро оправился, заметив оцепенение окружающих, улыбнулся, лицо – из белого сделалось томно-бледным, ОН взял одного большого рака за клешню, и сел на своё место.

Господи, – нарушила нелепую тишину Зоя, – ну, не пьёт и не надо. Не пьёт и хорошо.

Мессир вновь побелел лицом, но уже не так явно. ОН, с хрустом, выломал клешню у рака, и стал грызть её своими мраморно-белыми зубами.

Что сидим-то, как у тёщи на блинах, – не выдержал боцман и, взяв рукой бутылку, наполнил стопки, – давайте-ка – по второй.

Вот, это правильно, – весело поддержала его хозяйка.

И они чокнулись, и выпили, не обращая внимания на двух насупившихся мужчин, за столом. После чего, она залепетала, адресуясь, почему-то к капитану:

Масло анисовое принимать в пищу надо. Это придаёт мужчинам и женщинам желание к соединению. И любовь горячит, согревая всё нужное. А ещё трава «косая железнянка» – ростом в локоть, собой красновата, цвет жёлтый или

багровый, листочки ёлочкой, а растёт по брусничникам вдоль земли. Хороша та трава: у кого кутак не стоит, пей в вине и хлебай в молоке – станет, даже если десять дней не стоял.

Боцман расхохотался. Капитан улыбнулся. А их единственный пассажир заёрзал на своём табурете, угнув голову.

Чего вы хохочете, это в «травнике домостроевском» сказано. У Сельвестра-то.

Лицо хозяйки сделалось пунцовым, глаза её заблестели, губы стали пухленькими, а над верхней губой, у самой её кромки, прорисовалась испариной женская щетинка.

Хозяйка, а хозяйка, – обратился к ней боцман, отхохотавшись, – а где же твой хозяин?

Утоп, царство ему небесное.

Как утоп? – остолбенел от неожиданности боцман.

Так вот. Очень даже просто. Покончил с собой.

Да ты что, – ещё больше изумился боцман.

Ох, – вздохнула она и на мгновение задумалась, – давно это было, ещё в «послеперестроичные» времена. Ревновал он меня страшно. К каждому столбу

ревновал. А я, в те времена-то, в «челночную» жизнь ударилась. В Ростов за товаром ездила. А то и в Москву. И даже в Турцию мне протезе делали. Да. А что

было делать? Надо было как-то выживать, в те времена-то, вы вспомните. Как-то все всё сразу забыли. А вы – вспомните! Тогда и осуждайте.

И у неё на глаза навернулись слёзы. Но, проглотив, так внезапно возникший в горле горький комок, она перевела дух и продолжила:

Фу. Был у нас тогда баркас. Так он с этого баркаса. Только крикнул людям на берегу: «Скажите моей суки, что я её любил!». И всё. А я в Турции была – грешница, – по-казачьи ударила она первую букву последнего слова.

Зоя посмотрела в сторону Дона, подперев правую щеку руками, и, облокотившись на стол, сказала, – Наливай, выпьем третью, не чокаясь, за хозяина.

Боцман наполнил стопки, и они выпили, не чокаясь.

Стало быть, вы – молодая вдова. Как в той песне.

Да-а, как в той песне.

И снова глядя в сторону Дона, она вдруг запела протяжную, доставшуюся по наследству, песню: «Ой, да разродемая моя, да и сторонка, ой да неужеу больше я ж и, да и тебя...»

Голицын, к его удовольствию, знал эту песню, и подпел ей. А она, не ждавшая такого, явно обрадовалась, и при этакой голосовой поддержке, даже задишканила, в нужных местах этой песни: «Ой, да не увежу, голоса, да и не вслышу, в саду вот и соловья...»

Песня у них хорошо выходила: голоса гармонично сливались и, даже, иногда возникал тот удивительный звон, который дорогого стоит.

Боцман заслушался. А Мессир, вроде улыбнулся, и отбросил, изгрызанную им, раковую клешню, к чёртовой матери.

Песня кончилась.

Ну, Пётр, уважили. Никак не ждала от вас. Жили у меня тогда, со своей-то, тише воды-ниже травы, – проговорила она, оглядывая его лицо, и добавила, посмотрев ему прямо в глаза, и приглушив свой голос, – хотя, от вас – много чего можно ждать.

И на этой её фразе, они оба замерли, глядя в глаза друг другу.

А я вот здесь, под этой вишней, подсак свой чинил, – проговорил Голицын, не отводя своих глаз от глаз Зои, – подсак мой разболтался, так я нашёл у вас в сарае хорошую толстую алюминиевую проволоку, плоскогубцы, и укрепил его как следует, на рукоятке.

Правда? А я и не знала, – тихо обрадовалась Зоя.

Да, – подтвердил Голицын, – я всегда беру с собой подсак. Рыбаки смеются, мол – на крупную рыбу нацелился. А я говорю словами Пантелея Прокофьевича: «не заважит». Потому что, были у меня случаи, когда я приходил на рыбалку без подсака и, как назло, попадалась на крючок хорошая рыба, и уходила, как только я подтаскивал её к берегу. Вот тогда-то и кусаешь себе локти, да достать не можешь.

И Зоя с Голицыным снова замерли, глядя, друг другу в глаза.

Но тут, со своего места поднялся капитан, и громко сказал, – Ну, спасибо хозяйке за такое царское угощение!.. Засиделись мы. А ей, после нашего столь сытного обеда, ещё и убираться надо.

Да что вы, – всполошилась хозяйка, – сидите! В кои-то веки.

Боцман, – снова оборвал её капитан, окликнув боцмана.

Слушаю, – боцман встал.

А Мессир потянулся рукой к красным папкам, положенным ИМ, перед обедом, на перевёрнутое ведро в саду.

Мы с Петром Григорьевичем сейчас пойдём по своим делам. А вы здесь, во флигеле, устройте себе послеобеденный отдых. Ещё вздремнёте. Я думаю – возражений нет, – направил он свои зеркальные очки на боцмана.

Никак нет, – довольно ответил тот.

А вот это, – и ОН достал из папки экземпляр какой-то пьесы, – когда проснётесь, прочтёте, – и ОН вручил боцману этот самый экземпляр, как какой-нибудь важный пакет с донесением.

Что это?? – прочитав заглавие, недоуменно и дрогнувшим голосом, спросил боцман.

Это пьеса нашего друга, – указал Мессир своей тростью на Голицына.

«Каракуба», кажется, знаю, – рассуждал боцман, – где-то, по-моему, на Донбассе – станция была такая.

И ещё, Каракуба переводится как «чёрный город», – пояснил ему капитан.

А что такое «трибадия», – произнёс по слогам боцман, – не знаю.

Это, когда женщина любит женщину, – старательно объяснил капитан.

А зачем это мне?? – недоумевая, пробасил боцман.

Это мне надо, – настоятельно сказал Мессир, – я хочу, чтобы вы прочитали это. Вам ясно?

Так точно, капитан, – вымолвил боцман, с подозрительным прищуром.

Выполняйте.

Ой, и я хочу прочитать это, – сказала хозяйка низким голосом.

А вам это не надо, – по инерции, командирским тоном, ответил ей капитан. А затем, переменяя этот тон, на загадочно доверительный, и сделав лёгкий реверанс в её сторону, сказал, – А вы, мадам, готовьтесь к вечернему «Бал-маскараду», куда мы и приглашаем вас, с Петром Григорьевичем. Готовьтесь, он зайдёт за вами. – И, обращаясь к онемевшему автору, сказал, – Пойдёмте, Петр Григорьевич, нам пора, – и вручил ему в руки одну из его красных папок с пьесами.

«Куда пора? Зачем пора?» – думал Голицын, и ничего не понимал. И вот так, ничего не понимая, и обняв рукой свою папку, он двинулся с места, увлекаемый Мессиром, и пошёл за ним.

И они вышли из калитки, и пошли по городу, двигаясь вверх от Дона. Путь их пролегал не по пешеходным тротуарам, которые здесь были местом перед частными домами, а по дорогам, которые здесь были широки и мощены по-разному: где какая-то мелкая чёрная тырса, где жужалка, где просто – земля, а где и булыжные мостовые. Когда они вышли на асфальт, то поняли, что это центр города. Они уже прошли местный универмаг, с высоченными ступеньками, когда Мессир вдруг резко остановился, и сказал: «Стоп». ЕГО взгляд привлекла небольшая группа людей, собравшихся у какой-то афиши приклеенной к стеклу витрины. Мессир, а за ним и Голицын, подошли поближе к этой разновозрастной людской группе. И тут, Голицын увидел эту афишу, выполненную на

глянцевой фирменной бумаге, где на чёрном фоне, красно-золотым изысканным шрифтом было написано следующее:

сегодня и больше никогда, проездом в Амстердам

диджей

КОТ-ШОП-БОЙЗ

даёт

БАЛ – МАСКАРАД

НА ЯХТЕ

суперкласса

шикарные маски даются бесплатно и насовсем!!!

начало в 22.00. часов. Билеты продаются у местного причала, цена – 50р.

В КОНЦЕ БАЛА – ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК

Что это? – тихо спросил Голицын, обернувшись к Мессиру.

Работа, – холодно ответил тот.

Какая ещё работа?! – с паническим злом произнёс Голицын.

Хз, «удивительный вопрос – почему я водовоз», – иронично процитировал Мессир слова из советской песни. – Вы же сами пожелали, чтобы мы расплатились с Зоей настоящими российскими рублями. А где я их возьму как не у граждан этого же городка.

Лихо работаете.

А как же. Пойдёмте дальше посмотрим, – и ОН зашагал через площадь, к какому-то кафе, где стояла толпа поболее.

А я думаю, куда это кот запропастился, даже на обед не остался, – говорил Голицын, едва поспевая за Мессиром.

Молодец Седой, оперативно сработал. А главное, со знанием дела.

Они подошли к этой толпе, которая состояла в основном из молодёжи, и которая тоже собралась у котовской афиши приклеенной на стене, у входа в кафе. Молодые люди обсуждали информацию, свалившуюся на них со страницы афиши.

Та нет, это какие-то прогоны, – сказал один из них, нараспев и в нос, но не по-французски.

Какие прогоны, – залепетала девушка, лет шестнадцати, – ты прикинь какая отпадная реклама!

Да, тут одна бумага чего стоит, – поддержал её юноша в диоптрических очках и светлых шортах.

Да вон, Шабалиха видала эту яхту. В хлебном, бабам рассказывала. А мне мать сказала, – вмешался в спор паренёк в чёрной майке с английской надписью.

Ну, и чо она рассказывала? – спросил тот, что нараспев.

Говорит, что таких! ещё в жизни не видала. Крутая яхта.

Вы как хотите, а я пойду на бал, – выпалила девушка лет шестнадцати.

Ты что – пятьдесят целковых, – грубо пробасила длинная барышня в очень короткой юбке, делая ударение на первый слог последнего слова.

Ха, что ж это тебе – мороженое в этой кайфушке лопать. Это супер-яхта. Прикинь, как там всё. Пойдём, Гнилой, – обратилась шестнадцатилетняя к тому, что нараспел.

Надо Малахаю сказать, – пропел тот, – пусть он с ними разберётся, а потом уже прикидывать, что к чему.

Да что им твой Малахай, – сказал юноша в очках.

Не скажи, – возразил тот, – под Малахаем вся ментовка ходит.

Мессир посмотрел на Голицына и, оценив его состояние, сказал:

Веселей, господин художник! Вся жизнь – игра! Хотите мороженого, я угощаю. – И он обратился к тому, что нараспел: – Гнилой, тебя как зовут?

А что? – насторожился тот, оглядывая капитана с ног до головы.

Дело есть, – коротко пояснил капитан.

Ну, Вася, – прогундосил Гнилой.

Ну вот. Ты Вася, а я хозяин яхты. Найди, Вася, Малахая, и скажи, что хозяин мороженое кушает, и его дожидается. Всё понял?

Да.

Выполняй. – И обратился к Голицыну, – пойдёмте, маэстро, мороженое кушать.

И они вошли в маленькое уютное помещение «кафе-мороженое». Сели за столик. Заказали по двести пломбира с фруктовым наполнителем, и стали потихоньку, чайными ложечками, есть его. Но не успели наши посетители съесть и половины порции, как в кафе вломилась целая братия горячо дышащих молодцов, во главе с чёрномаечником, лет тридцати, с позолоченным крестом на груди и золотой цепкой на шее.

И кто же здесь «хозяин»? – спросил он, оглядывая заезжих гостей.

Я хозяин, – ответил Мессир, продолжая вкушать мороженое из чайной ложки. – А я с кем имею честь? – не отрываясь от мороженого, поинтересовался ОН.

Малахая звали? – в свою очередь поинтересовался тот.

Звали, – ответил Мессир.

Так я – Малахай, – сказал Малахай так, как будто он был самым дьяволом. Правда, белки его глаз были и в самом деле красны, а зрачки бегали как угорелые.

Малахай? – не глядя на него, спросил Мессир, и тут же предложил, – присаживайся. Мороженое будешь?

На кой оно мне, – ответил, присаживаясь к столу, Малахай, выказав свой нервный тик – невидимой шеей и огромной, налысо стриженной башкой.

Спрашиваю конкретно, – сказал Мессир без разгона, – какие ваши базары?

Повисла пауза. Малахай снова повёл шеей вместе с башкой, глянул на свою голодную стаю «волков» и бросил им:

Идти туда. Все. Тама ждуть.

И стая, медленно, но верно, выполнила его команду «идти туда», и вышла за двери кафе. Женщина – продавец и девочка официантка – сами скрылись с глаз, без особой команды.

Базар такой, – сказал он, дождавшись очистки помещения, – десять тысяч баксов.

Лохов разводишь? – спокойно спросил капитан.

Какие лохи?! Яхта крутая. Воды наши. Причал тожить – наш. Прикинь.

Причалу этому – сто лет в субботу было. Вода – от Создателя. А я – людям Праздник привёз.

Ха, я же тоже – не лох, – скривил он что-то вроде улыбки, отвесив нижнюю губу.

А я тебя и не лохую. Прикинь конкретно: цена билета – 50 р. Так? Так. Охотников найдётся человек сто, да и яхта больше не вместит. Считаем: пятьдесят на сто?. И выходит грязью – пять тысяч рублей. Крокодиловы слёзы. Значит, если я даже отдам тебе половину, это будет – две тысячи пятьсот рублей. Вот такая выходит конкретика. На напитках – такие же копейки. А у меня бесплатные маски, аппаратура, диджей, эксклюзивная музыка. Плюс – баснословной цены фейерверк, для меня. А для твоих земляков – красота на халяву.

Ха. А – эта!

Кто – «эта»? – не понял капитан.

Кто, кто, с – прищуром проговорил Малахай, – травка!

А что, есть клиенты? – поинтересовался капитан.

А что ж мы, на Марсе живём, – с патриотической обидой ответил тот.

Нет, травкой не занимаемся. И вообще, всё это – не мой бизнес. Это так – хобби, во время трудового отпуска, – обрезал тему капитан. – Значит, мой базар такой: тысячу баксов, за услуги по безопасности мероприятия. Но в эту сумму замазываются все ваши городские, естественно – бюрократические, структуры.

Ха-а, – задрал башку, произнёс партнёр по безопасности, – это будет – две тысячи!

Ладно. На этом базаре и остановимся. Но смотри, чтобы меня больше никто не доставал: ни менты, ни пожарники, ни санэпидемики – никто! За своё слово отвечаешь.

Отвечу, – сказал тот, поводя башкой в сторону

Маэстро, – обратился Мессир к Голицыну, – подайте-ка мне папку.

Тот подал Мессиру свою красную папку. Мессир, приоткрыл её, и извлёк оттуда две новеньких купюры, и отдал их, открывшему рот, Малахаю.

Нет базаров? – спросил Мессир.

Базаров нет, – ответил тот, вставая, и засовывая в карман чёрных фирменных штанов, полученные деньги. – Отдыхайте, – добавил он, и вышел из кафе.

Расплатившись в «кафе-мороженое», из настоящей целенькой сотни рублей Голицына, хранимую им для покупки сигарет, спутники направились к причалу. Там их поджидал ещё один сюрприз – от кота. В конце причала, на фоне шикарной белой яхты с мачтами, под симпатичным красно-белым тентом-зонтом, на фигурном фирменном стуле от яхты, сидела девица с высокой причёской, с завитушками-висюльками и чёлкой из ярко-рыжих волос; в маячке серебряно-золотыми разводами, на тоненьких бретельках, и с глубоким декольте спереди и сзади, и в очень коротенькой светло-салатной юбочке.. На столике лежал вахтенный журнал, в который были заложены билеты на «Бал-маскарад», выглядывавшие оттуда своими кончиками. Девица вызывающе курила сигарету «Мальборо», пачка которой лежала на столике, рядом со сверкающей золотом, зажигалкой кота.

Здравствуйте, милая барышня, – приветствовал её капитан.

Привет, – ответила та, играя серебряно-золотистой босоножкой на своей раскачивающейся соблазнительной ножке, – а вы, я вижу, капитан этой яхты?

Видите правильно. А откуда ж вы такая взялись, среди этой деревенской декорации?

А я к бабушке приехала, из Ростова.

Землячка, – сказал капитан, обращаясь к Голицыну.

А я, между прочим, так и подумал, – с некоторой гордостью ответил тот, и внутри у него что-то ёкнуло.

А кто же вас нанял на столь ответственную работу? – поинтересовался, зачем-то, капитан.

Ваш диджей, – невозмутимо ответила она, и делово добавила, – он уже весь прикинутый – в маске, в шкуре.

Молодец диджей. А, кстати, как он с вами обходился, не хамил ли?

Нет, он очень даже хорошо обходился, – сказала она, загадочно улыбаясь и, подводя глаза под веки, – он даже мне понравился.

Так он же в маске, говорите! – удивился Мессир.

Ну и что, а внутри-то – мужчина. Я его интуитивно прочувствовала, – томно произнесла она и, расставив руки и, согнув их в локтях, она потянулась телом, хрустнув застоявшимися косточками и, выгнув свою грудь в сторону яхты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.